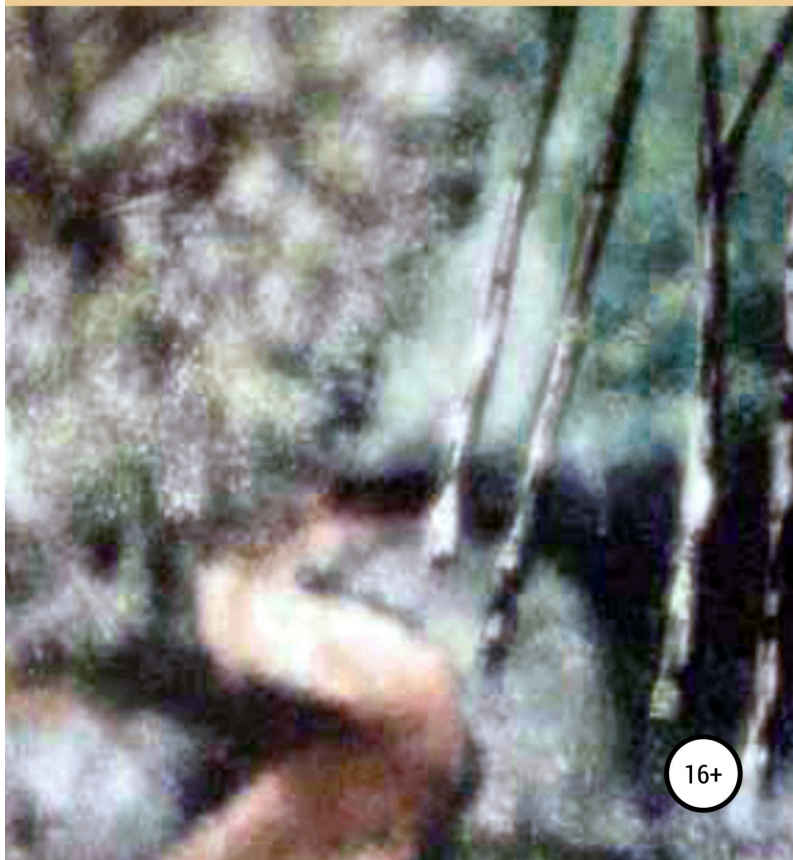

Алеха Юшаева

Потерянные

16+

Алеха Юшаева

Потерянные

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39429175

SelfPub; 2018

Аннотация

Эта легенда долгое время оставалась погребенной под слоем лжи и тумана. Пока он случайно не услышал её и не заинтересовался. Двое мужчин, влюбленных в тяжелобольную девушку, пытаются помочь, но она совершает самоубийство, а один из мужчин бесследно исчезает. Чего не хватает в этой истории, а что искажено до безобразия – предстоит выяснить чужому человеку.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	16
Глава 4	18
Глава 5	25
Глава 6	32
Глава 7	41
Глава 8	44
Глава 9	56
Глава 10	85
Эпилог	88
Запись кассеты	89

Пролог

Мне всегда казалось нормальным, что родные и близкие навещают пациента, приносят ему гостинцы, радуют новостями с «того света», сидят у его постели и держат за руку, молча глядя в глаза. Это несколько умиляет, но сердце от этого не ёкает. Что удивительного в том, что твоя семья пришла к тебе в гости в больницу, узнать, как дела, идешь ли на поправку, хочешь ли ты чего-нибудь, чего так не любил на «том свете», а здесь внезапно захотелось? Пожалуй, ничего. Это абсолютно нормально, как и то, что твой лечащий врач делает утреннюю поверку ровно в восемь утра.

Да, больницы, различные госпитали, стационары, клиники имеют свою собственную атмосферу, которая не похожа на «тот свет». Там мы просто делаем, что хотим: едим, что попадется под руку, спим, где упадем, смотримся в зеркало, запачканное зубной пастой, принимаем душ, где проснемся, учимся, куда нас отвезет папа или мама, работаем, где предписала наша специальность, по вечерам занимаемся сексом с теми, кто будет не против или слаб, чтобы сопротивляться. Кажется, эти два мира идут параллельно друг другу, но это не так. В обычной жизни – хаос, в жизни больницы – порядок, чтимый не только персоналом, но и всеми, кто даже просто зашел записаться на прием. Они дополняют друг друга. Сказать честно, и параллельные линии пересекаются.

И ничего так не удивляет до тех пор, пока две полосы не встретятся.

Как много лет прошло с тех пор, когда я впервые вошел в «больничный мир»? Как долго я уже считаю неотъемлемой его частью? Сложно подсчитать. Но можно вспомнить.

В двенадцать лет я сломал ногу: меня сбила машина. Мне пришлось провести около двух месяцев в больнице и еще месяц дома, продолжая сохранять законы «больничного мира». Естественно, переступив черту, разделяющую эти два мира, я не следовал правилам больницы. А зачем, как тогда мне казалось, если тут нет никаких врачей, медсестер, акушерок, хирургов, окулистов и тому подобных медиков? Приходящий раз в неделю доктор многозначительно кивал головой, прописывал новое лекарство и обещал скоро освободить от назойливых посещений. Потому соблюдать «больничный режим» мне казалось глупым.

Попав в больницу, я не удивлялся её странностям: меня сразу унесло волной под названием Больница, и я стих. Потому вернувшись домой, я не сходил с ума от того, что у меня было много энергии и мне некуда её девать. Больница забирала эту энергию и не отдавала.

Закончив школу, я не вспоминал, как провел более тысячи суток в четырех бело-голубых стенах. Поступил в медицинский на невролога, после университета, как то часто бывает, пошел в интернатуру к знакомому врачу. Меня несколько не смущали странные законы королевства Больни-

ца, я словно был рожден для них, как мне казалось. Через полторы недели моей практики врач обозлился на меня и послал в морг. На самом деле, посылая, он шутил, но шуток я не понимал с детства и действительно отправился в морг, где поговорил с медицинским работником, который на мои объяснения указал на черную дверь. Так для меня открылась загробная жизнь королевства. Но меня не огорчало, что приходилось днями и ночами сидеть за холоденьким столиком и записывать информацию об умерших. И никогда мне не выпадало встретиться с «живыми мертвецами».

Когда обо мне вспомнили в нейрохирургии, я заканчивал свой третий месяц практики в морге. Знакомый долго смеялся над моей бестолковостью, но, помня законы Больницы, он сделал вид, что не просто проучил меня, но и дал мне опыт общения с пациентами. Говорил, что живые ровно как мертвые, только дышат и говорят. Шутка это была или правда, я не знаю до сих пор.

В 24 года я полноправно мог считать себя медицинским братом. Но тут я задержался не долго, потому что доктора видели, как толпы санитарок и медсестер ходят за мной хвостом и не выполняют надлежащей работы. Просиживая штаны в приемных, обучился на глаз определять, к какой области медицины относится болезнь сидящего напротив. Через еще некоторое время моего знакомого сместили, и я, как тот, за кого он поручился, оказался не у дел. Искал новую работу.

Именно в этот момент я почувствовал, что значит для ме-

ня мир больницы. Его атмосфера действовала не временно, а всегда. Почему, будучи ребенком, я адекватно реагировал на проведенное время в больнице? Я знал, что это «мой» мир. Охарактеризовать его сложно, но скажу, что он не просто спокойный, но и правильный. Там всё верно: начиная от количества кубиков в шприце медсестры, что сейчас воткнется в ягодицу пациенту, и заканчивая временем закрытия дверей здания на замок. Всё точно подсчитано, верно разобрано, гладко постелено, чисто помыто, красиво написано. Мир идеальности. Но не идеальный.

Продолжая искать работу, я попал в больницу на окраине города, где меня радушно приняли. Всё шло своим чередом: дни ползли за днями, одни больные выздоравливали, другие умирали, третьи только поступали. Казалось, что так и кончится жизнь. Но неожиданно для себя я открыл, что, как и любое другое королевство, Больница не могла обходиться без своего короля, а он, в свою очередь, не мог жить без королевы, и их должна окружать стража. Главное, что реально способствовало процветанию королевства, – это вера его народа, его «фольклор». И такой «фольклор» был в каждой Больнице.

Ходило множество историй и рассказов об истории места, о персонале, о пациентах, о секретных местах в здании. Кажется, что это глупо и что всё это придумано лишь для детей, которые не хотят спать. Я тоже так думал сначала. Пока мы не собрались всем нейрохирургическим отделением за чаш-

кой кофе. Обычно что-то интересное рассказывал главный врач нашего ведомства, но в тот раз за это дело взялась одна из медсестер со вздернутым носиком. По-моему, её звали Каролина.

Глава 1

Это обычная история о двух влюбленных. Но почему-то она запала в мою душу, и я частенько вспоминаю её, особенно, когда вижу гуляющие по коридорам пары из пациентов или навещающего и пациента. Однако в этой легенде нет ничего похожего.

Хочу вспомнить её так, как то рассказывала сама Каролина.

Его звали... а может, и зовут до сих пор, Джейсон. Её звали Элис. Всё в их жизни было прекрасно до тех пор, пока у неё не обнаружили болезнь.

Начиная со школьной скамьи, эти двое всегда были вместе. Они сидели за соседними партами, бросали друг другу записки, бегали в столовую на перегонки, часто торчали у автоматов с колой, возвращались домой, держась за руки. Став взрослее, поняли, что не могут жить без своей половины. Половины – в прямом смысле слова. Думалось, что только близнецы могут чувствовать своего одноййцевого родственника и кричать от боли, когда тот повредился. Но влюбленные, нашедшие себя в другом человеке, ровно как близнецы. Мысленное, молчаливое общение, сверхчувствительность на расстоянии, полное понимание и доверие. Всё это было в их отношениях.

Понимая, к чему идёт дело и на что он должен решить-

ся, Джейсон самолично приготавливает ужин и накрывает на стол, чтобы показать всю серьезность его намерений. Белая скатерть на круглом столе, два стула, подсвечник с горящими свечами, открытка и красная коробочка. А вокруг тишина, и только шепчущий стрекот сверчков напоминает о существовании жизни вокруг. Тонкие черные ветки деревьев за кирпичным бортиком переплетались между собой, образуя паутину, сквозь которую сверкала полная луна. Матовый свет мягко лился на стол, выделяя его среди всего.

«Дорогая Элис,

Ты стала для меня всем.

Ты стала целым миром с тех пор, как мы встретились в классе. А за все эти годы я только удостоверился в том, что ты очень нужна мне. Необходима.

Я был бы потерян навсегда в сумбурном потоке жизни, если бы не ты.

Элис, ты выйдешь за меня?»

– гласила открытка.

Увидев всю искренность чувств Джейсона, его заботу и любовь к ней, девушка тут же согласилась. Они не медлили со свадьбой, но не стали разглашать о том на весь мир. Их маленький семейный уголок был намного просторнее и целой планеты. Летние прекрасные дни они проводили на берегу озера Соломона, осенью в их домик приезжала племянница Чарли, которая сильно любила и тётю, и дядю. Зимой они перебирались в дом Джейсона, где жили его пре-

старелые родители и где они разговаривали по душам длинными белыми вечерами у теплого камина. Весна была для них непредсказуемым временем года, потому что они могли уехать в другой штат или другую страну.

Не было бы истории, если бы ничего не случилось в ней.

Элис была больна. Пытаясь помочь своей любимой, Джейсон часто придумывал ей загадки, чтобы её мозг не переставал работать. Всё свободное время он посвящал поиску лекарства от страшной болезни, которая ставила всю их совместную жизнь под удар.

Очень давно недалеко от домика, в котором они жили, была построена больница для пациентов с неврологическими заболеваниями. Но спустя несколько лет её закрыли, потому что «лечили там меньше всего как людей, но больше всего как лабораторных экспериментов», как гласила табличка боковой части больницы. Вскоре из больницы сделали поместье. Вернее сказать, больница была разделена на две части, одна из которых стала поместьем-пансионом, а вторая осталась в своем запущенном, заброшенном виде. Эту Мэддисоновскую больницу, как она называлась первоначально, выкупил Джейсон и его друг детства Хьюго. Они и открыли этот пансион, куда поместили Элис для выздоровления.

Пока Джейсон спешно пытался найти способ вылечить любимую, Хьюго поддерживал жену друга морально, навещая её два раза в неделю. Бедная девушка, которая так хотела провести каждый оставшийся день в её жизни с мужем,

разрывалась от теплых чувств к Хьюго и долга к Джейсону. Мужчины создали лекарство, что начало помогать ей. Проблемы отступали, Элис шла на поправку, здоровье крепло. Джейсон подозревал, что потерянное им время в лабораториях он не сможет вернуть, потому он повез Элис к её любимому месту – на озеро Соломона.

Однако солнце всё же закрывало тучами. И девушке становилось хуже. Она понимала, что продолжаться это не может, что лекарства от этой мерзкой болезни им не найти, но старалась не подавать виду. Джейсон чувствовал, что подобное могло произойти и что она будет всё чаще и чаще задавать по утрам одни и те же вопросы. Элис забывала то, что происходило вчера, позавчера, месяц назад. Таков был побочный эффект лекарства.

Ей снова пришлось поселиться в Мэддисоновском поместье, скучном, однообразном, надоедающем. Хьюго навещал больную, не считая её таковой. Но что-то происходило с бедной девушкой: она часто злилась, редко разговаривала, рисовала одну и ту же картину в разных размерах, писала неизвестному лицу письма. Всё чаще она оставалась одна.

Но целую неделю каждое утро она видела озабоченное, осунувшееся лицо Джейсона, спрашивала его, как долго она спала, что он делал вчера и почему Хьюго не навещал её. Ответ был всегда одинаков, но его она не помнила.

Закончив картину, Элис сбросилась с балкона поместья. После похорон Хьюго женился и уехал, а Джейсон пропал.

Однако это Мэддисоновское поместье до сих пор носит в себе воспоминание о тех днях и этой истории.

Глава 2

Каролина рассказывала в тот день очень вдохновенно и чувственно. Закончив обедать, все разбрелись по своим палатам к ожидающим пациентам, но я же долго рассуждал о чем-то мне непонятном. Сидел на стуле, словно приклеенный. Смотрел в одну точку, а в голове медленно крутились шестеренки, пытавшиеся «переварить» услышанное. Чашка с кофе так и застыла в моей руке, не добравшись до губ.

– Мистер Нил. Что с Вами? – позвала меня Каролина, убирая чашки со стола.

Глаза сдались первыми. Сглотнул и рывками опустил чашку на стол.

– Извини. Я задумался.

– Не стоило мне этого рассказывать, – сказала она беспечно.

– Почему? Мне очень понравилась эта история, – потирая ладони о карманы халата, произнес я.

– Дело не в том, понравилась она или нет, – она скривила губы. – А в том, что многого здесь не хватает.

– Ты о чем?

– Это как рамка для пазла, но самого пазла еще нет, – пожала она плечами.

– То есть как это – нет? – бровям внезапно захотелось срастись.

– А так, – Каролина остановилась, развернувшись ко мне. – Что на самом деле, эти двое очень сильно любили друг друга, настолько сильно, что весь мир мог им позавидовать. И вся зависть мира сконцентрировалась в одном человеке – в Хьюго. Он тоже любил Элис. Иначе бы он не стал вкладывать деньги за четверть Мэддисоновской больницы, не стал бы навещать бедную девушку, не помогал бы создать лекарство от болезни. Он бы не делал ничего, – мне показалось, что на её глазах проступили слезы, но она быстро опустила голову, хватая другую кружку, и я не успел разглядеть лицо. – Но ради неё он пошел в медицинский, ради неё подсказывал Джейсону пути стимуляции мозговой деятельности, ради неё приходил в поместье, ради неё терпел все вспышки ярости, ради неё он заставил Джейсона страдать.

Её лицо внезапно вытянулось, она отвернулась.

– Что? – мне показалось, что я неправильно её услышал. – Повтори, пожалуйста.

– Что повторить? Вы о чем, сэр? – она поправила волосы и подошла к двери. – Мне пора, меня ждет пациент.

Створка хлопнула, и в ординаторскую влетели крики. Я, забыв обо всем, выбежал из кабинета, чтобы наказать нарушителя законов Больницы.

Глава 3

Возможно, я бы не вспомнил эту историю, ведь прошло много времени с тех пор, но в моё отделение однажды прибыл новый житель. Девушка 23 лет жаловалась на свою забывчивость, чтобы успокоить её, я предложил обследование. Обнаружилась фиксационная амнезия. По своей сути, ничем серьезным она не угрожала: мы часто забываем какие-то мелочи, случившиеся с нами в недавнем времени. Но исключать прогрессирование болезни я не мог, однако сообщать непроверенную информацию не стал. Она лежала еще неделю.

Каждый день к ней приходила пожилая мама и маленькая девочка, которая, как мне казалось, была её сестрой. Сидели они не долго, уходили обеспокоенные, но со мной не говорили. Однажды в наше королевство попал странный юноша с букетом цветов и пакетом фруктов. Медсестры, как то им полагается, шептались и думали, что этот молодой человек недавно стал отцом и пришел поздравлять молодую маму. Но спросил он дорогу не в родильное отделение, а в нейрохирургическое. Каково было общее удивление, когда все увидели, как его халат мелькает в дверях палаты той девушки с легкой амнезией. Я не был обескуражен, когда услышал крик и стуки. Ошалевший парень выскочил из палаты не оглядываясь. Мать с девочкой ходить перестали, а юноша наоборот

стал навещать как можно чаще.

Медсестры, конечно же, разузнали всё из первых уст. Де-вушка с амнезией перед тем, как лечь в больницу, поссорилась с юношей, поскольку тот давал себе возможность исчезать и не появляться долгое время. Не оповестив его о том, что она теперь – обитатель Больницы, молча волновалась и тем самым ухудшала результаты анализов. После их примирения всё стало налаживаться. И теперь я часто мог видеть их гуляющими по коридорам.

Вот откуда начались мои размышления о навещающих родственников и пациентов. Понимаю, что история о влюбленных и история о борющихся с амнезией не похожи друг на друга. Но именно тогда я вспомнил этот рассказ. И тогда же в душу закрались сомнения.

Не могла эта легенда заканчиваться именно так: смерть, женитьба и исчезновение.

Глава 4

Сегодня по графику моё дежурство. Я остаюсь один на один с грозной медсестрой, переехавшей сюда из соседнего штата. Не сказал бы, что рад этому, но и не расстроился, потому что её строгость и расчетливость вселяли в меня уверенность за нашу медицину. Чего не скажешь о других медсестрах. Бросив халат на спинку дивана, я сел и подергал чайный пакетик за веревочку. Меньше всего хотелось, чтобы в эту ночь привезли кого-нибудь или чтобы у кого-нибудь случился припадок.

Дверь в ординаторскую медленно открылась, но я не повернулся. Не было желания это делать.

– Доктор Нил? – услышал я за спиной удивленный голос.

Чай двумя каплями упал на колени. На пороге стояла Каролина, держа в руках шапочку.

– Добрый вечер, – ответил я в тон ей. – Что-то случилось?

– Элвина попросила меня заменить её.

– Ах, вот как, – внезапно я расстроился, потому что эта своенравная медсестра никогда не предупреждала о своих уходах, но лишь сказал: – Ну, что ж. Непокойной нам ночи.

– Непокойной, – проговорила она.

Несколько несмелых шагов в сторону вешалок, рваные движения во время снятия верхней одежды, взгляд, полный замешательства, сжатые зубы и выпирающие щеки. Я вер-

нулся к чаю. Медсестра набросила на себя верхнюю часть костюма и остановилась. Мое присутствие мешало ей переодеться.

– Доктор Нил?

– Просто Майкл, – бросил я и вышел.

Коридоры такие тихие. Белый свет потолочных ламп освещает стены через промежутки, от чего пол похож на зебру. Плотные прижатые двери палат. Стол-приемная и стопки листов. Вдали у окна покоилась использованная капельница. За спиной коридоры тоже уходили в бесконечность. Одинокая каталка. Над одной из палат произрастает вьющийся плющ.

Это похоже на какую-то странную сказку, странный ужастик, странную басню, странную трагедию. Все они странные, потому что ничто из этого не сравнится с королевством Больница. Казалось, она способна поглотить всех и вся. Даже та девушка с амнезией не сдержалась и поддалась влиянию – закричала на юношу. Но пока ты не закричишь от боли и отчаяния, кто тебя услышит? Никто. Кроме пустых стен Больницы. Да и те не ответят.

– О чем Вы так задумались?

– Да так, – ответил я, опуская голову вниз, разглядывая свои кроссовки. – Чем планировала занять себя? – обернувшись, увидел на ней новый костюм, улыбнулся, одобряя его.

– Я взяла книгу. Но мне не хочется читать, – она говорила размеренно, слегка задумчиво.

– Сегодня удивительная ночь, – произнес я то, что давно

крутилось в голове.

– Странная, – озвучила она еще одни мои мысли.

Мы вернулись в ординаторскую. Я взял в руки остывшую кружку, неприятно кольнуло в кожу и в душе. Посмотрел на севшую напротив медсестру. Каролина закинула ногу на ногу, брюки костюма немного задралась, открывая миру щиколотки девушки. Она придвинула к себе сумочку, с неприятным шумом раскрыла её и обеими руками залезла внутрь, словно совершала там операцию на органах желудочно-кишечного тракта. Я непроизвольно поморщился, опуская глаза в пол. Руки желали скорее отделаться от надоедливой холодной кружки, потому она плавала между мной и столом, мучимая моими верхними конечностями.

– Почему Элвина не смогла прийти на дежурство? – спросил я, собираясь с мыслями для того, чтобы начать серьезный разговор.

– Она сказала, что у её матери вчера ночью болело сердце. Потому она не захотела оставлять её одну, – Каролина наконец завершила «операцию» и вынула книгу.

– Почему она всё никак не положит мать в больницу? – некоторое чувство гордости возникло у меня за это слово.

– Возможно, думает, что никто не в состоянии помочь ей, – девушка пожала плечами и положила на колени шапочку.

Мне чрезвычайно сильно хотелось ответить, но я знал, что высказывать свои мысли ей не имело смысла: они её не каса-

ются. Позже сам поговорю с Элвиной. Пусть не думает, что я ни на что не способен.

– Знаешь, я хотел тебя спросить кое о чем, – сказал я после некоторого молчания.

– Правда? – удивление подал только голос.

– Н даа, – протянул я, наконец отставив кружку. – Помнишь, ты рассказывала о двух влюбленных?

– Что-то не припомню такого, – шикнула она, опуская глаза и раскрывая книгу.

– Это было давно, но вряд ли ты забыла ту «легенду».

– «Легенду»? – ресницы вскинулись. – Вы про... Элис и Джейсона?

– Да, про них.

– Что Вы хотели, доктор Нил? – обозлилась она.

– Каролина, пожалуйста, я старше тебя всего на два года.

– Прости... те, Майкл, – губы, казалось, мучительно скривились.

– Ты сказала, что то была не вся история, не так ли?

– Да, но... – ладонь легла на шею.

– Что-то не так? Это же всего лишь легенда, верно?

– Не совсем, – она выдохнула, понимая, что я не сдамся. – Это не легенда и не выдумка. Всё, что я рассказала, было на самом деле. Но я не всё рассказала верно, вот в чем дело.

– Можешь ли ты мне поведать эту историю?

– Зачем Вам... тебе знать настоящую историю? Она несколько не интересна, – быстро проговорила она и еще раз

раскрыла книгу, но страница оказалась другая, а глаза все равно делали вид, что бегают по строчкам.

– А то, что ты читаешь, интересно? – выпалил я.

– Майкл. Зачем тебе знать то, что не должно касаться чужих ушей? – её губы сжались то ли от злости, то ли от страха, то ли по иной причине, которая мне не известна.

– Чужих? Значит, ты не «чужая» для этой истории?

Она хотела что-то возразить, но воздух в её легких перестал двигаться, и голова молча опустилась в книгу. Настойчивость может её спугнуть или навсегда сделать нас врагами, но мой интерес разогрет до невероятной температуры, и кто мне подскажет, как его остудить?

– Каролина, я не собираюсь совершать что-либо ужасное. Что может быть плохого в том, что я пытаюсь узнать настоящую историю? Разве это запрещено законом?

– Не стоит воскрешать призраков прошлого, – шепнула она и поднялась, решаясь выйти.

– Я не договорил, – колеса телеги развивают огромную скорость, а тормозов нет. – Что стоит тебе рассказать мне эту историю? Хочешь, я заплачу тебе?

– Это не смешно, – прыснула она, проходя мимо меня.

Я вскочил. За два шага настиг девушку, схватил за руку, которая держала книгу, и, взглянув в глаза, спросил:

– От чего ты бежишь, Элис?

Я почувствовал, как её дыхание прекратилось. Словно вентиль поступления кислорода повернули. Она сделала вы-

мученное лицо и попыталась вырваться. Я держал намного сильнее.

– Отпусти меня! – взмолившимся голосом произнесла она.

Встряхнув её, я повторил свой вопрос настойчивее и грубее. Она подняла на меня глаза и оскалилась. Никогда мне не думалось, что я буду делать такое в Больнице. Хорошо, что вечные стражники королевской четы нас не видели.

– Скажи мне, Элис! Это ты убила Джейсона?

– Хватит, отпусти меня! Иначе я вообще ничего не скажу!

Кони остановились. Пальцы разжались сами собой. И тогда пришла мысль, что я оставил следы на её нежной, женской коже. Пыль на дороге, взвитая до небесной высоты, не давала возможности увидеть, как долго телега была погоняема. Стоя, как болван, я смотрел на маленькую руку, прижатую к животу. На глазах её проступали слезы. Мне ничего не оставалось сделать.

– Извини, – как можно более теплое объятие хотело вернуть всё на место. Я ясно чувствовал, как сердце в её груди билось словно у марафонца, жар по телу разливался быстро и передавался мне. За какие-то считанные секунды мы оба пережили серьезный стресс. Тихо шепнул: – И за это извини, Каролина.

Кто вообще давал разрешение стегать бедных лошадей без моего ведома? Или это я, распалившись, так издевался над ними, что мог убить? А ведь и телега могла сломаться, и ко-

леса могли отвалиться, и кони могли издохнуть сразу. Ничего этого не произошло. Весь механизм был остановлен. Осталась только пыль над дорогой, которая еще не скоро осядет, а может, будет там всегда.

Девушка была поражена быстрой сменой моего поведения, она молча смотрела на меня снизу, лишь слезы продолжали катиться по щекам. Еле мне удалось уговорить её пойти в уборную, чтобы успокоиться. Спустя некоторое время она вернулась и села напротив меня. Я не хотел смотреть на неё, вспоминая то, что происходило недавно. Пытался не поднимать глаз, чтобы не показать своей надменности и возвышенности над ней, как над подчиненной. А сердце не переставало стучать ни на секунду с того момента, как я стегнул лошадей впервые. Почему оно не затихло даже после остановки? Стыд брал меня изнутри. Не знаю, как я буду работать с ней дальше.

Она потерла ладони о колени, выдохнула. Я не чувствовал её взгляда на себе, но вся ординаторская наполнилась чугуном, и хотелось, чтобы он придавил меня как можно скорее. Каролина проговорила хриплым голосом:

– Хорошо, я расскажу эту историю.

Глава 5

Она взяла с меня обещание молчать. И еще одно обещание – не искать подтверждения её словам.

В ординаторской стояла гробовая тишина. Это ничуть не преувеличение: девушка даже не двигала глазами, и грудь, казалось, замерла. Я медленно сложил пальцы в замок и был готов спросить её, но она подняла голову и начала говорить:

– Извини, это нелегко вспоминать. Для меня прошло недостаточно времени, чтобы абсолютно забыть тот ужас, – она вздохнула, остановившись. – Мне очень многого стоили те дни и те, что шли за ними. Я не знаю, как я не сошла с ума, – она хотела рыдать, я слышал это. – Но до сих пор мне не понятно, почему всё закончилось именно так...

Я хотел прервать её, но пресек своё желание, поскольку знал, она расскажет всё, если я не буду давить и молча выслушаю. Каролина-Элис закрыла глаза, мне показалось, что веки её стали свинцовыми, тяжелыми.

– На самом деле, как я и рассказывала до этого, Элис и Джейсон были знакомы со школы, – меня не удивило, что она говорила о себе в третьем лице. Так она могла отстраниться от ситуации и взглянуть на неё непредвзято. – Не могу сказать точно, когда между ними вспыхнули чувства, потому что они общались так тесно, и это общение каждый день становилось всё более близким. Как обычно то бывает, школь-

ные друзья становятся влюбленными на всю жизнь, – её губы скривились, хотя мне было непонятно от чего. – Вместе приходили в школу, сидели за соседними партами, перебрасывались записками, ходили в столовую и сидели за одним столом, читали одни и те же книжки, вместе уходили домой. Всё это было так естественно, что никому и в голову не приходило, что вся история обернётся именно так, – ладонь легла на лоб и спустилась на глаза. – Хьюго тоже привыкал к ним двоим, но понял свои чувства позднее, чем Джейсон. Они закончили школу и пошли в один медицинский университет. Хьюго опоздал на год и не попал с ними в выпускной год, но он считал это своим преимуществом, он хотел доказать Элис, что достоин её, что он лучше Джейсона-высочки. Доказать Хьюго не успел, – она снова опустила голову.

Рассказ прервался. Я думал, она будет продолжать и что вся история займет целую ночь. Но девушка поднялась, быстро пролепетала о дежурстве и вышла вон из ординаторской, оставив меня наедине с легким запахом её духов. Меня ничуть не грызет совесть за грубое отношение к ней, и это не моё превосходство над ней как над медсестрой, это очень сильная жажда знать правду. Плохо понимая, зачем мне то нужно, я поднялся и последовал за Каролин-Элис. Накинув на плечи халат, я подошел к столу-стойке, за которым кучами лежали неразобранные или старые личные дела пациентов. Взглянув на часы, протянул руку к стационарному телефону, набрал номер кабинета главного врача и ждал ответа.

Гудки тянулись медленно и муторно. В это время медсестра, стараясь не смотреть на меня, ходила от палаты к палате, проверяя спящих. Иногда она улыбалась одними губами, а глаза всё ещё выражали ту задумчивость и желание понять, почему всё произошло именно так. Повторив номер в четвёртый раз, я услышал звук поднимающейся трубки. На том конце меня едва не послали, но мне было ясно, что санитары, дежурившие сегодня в том крыле, решили устроить себе небольшой праздник и выпить по нескончаемому количеству стаканчиков. Я вкрадчиво объяснил, что требуется сделать от несообразяющего работника, на что он снова и снова говорил одно слово. Надеясь на его ответственность, спросил имя нерадивого санитара, записал на бумажке, которая лежала под рукой, и попрощался. Скулы сжал до того, что по лбу пошла дрожь. Ненавижу нерадивых и ленивых работников.

– Майкл? – тихо окликнула меня Каролина-Элис.

Словно спугнутый заяц, я поднял на неё глаза и выдохнул. Она стояла недалеко от выемки в коридоре, где располагался диван для гуляющих пациентов и их посетителей. Девушка не стала дожидаться моей реакции и прошла в ординаторскую.

– Извини, если я заставляю тебя это делать, – попросил я прощения, когда вернулся в кабинет.

– Ничего, – она сняла шапочку с головы и положила её рядом с собой. – Мне давно хотелось разобраться в этом.

– М-м, Элис? – спросил я осторожно.

Её лицо скривилось, она ответила мне твердым голосом:

– Я не Элис.

После её слов я не мог разобраться с тем, что творилось в моей голове. Губы девушки изобразили ухмылку, руки легко сложились на груди. Если она не является Элис, о которой она рассказывает, то кто же она? Женских персонажей в истории больше нет. Узнать её она могла, лишь являясь ей родственницей или...

– Нет, я не родственница Элис Уайт, – руки освободились друг от друга и уперлись в сидение. – И даже не сестра-близнец.

– Тогда почему? – я смотрел на неё прямо.

– Всё намного проще. Я ненавижу Элис, – каменные слова падали с высокой вершины, глухо отзываясь у подножия. – Ненавижу с тех самых пор, как Хьюго понял, что любит её, – голос начинал дрожать, но лицо старалось сохранять спокойствие. – Я была подругой Элис в университете, но она не знала, что я люблю Хьюго Симмса, её друга детства.

– Подожди, – у меня перехватило дух. – Хочешь сказать, что в этой истории был ещё и любовный... м-м, квадрат?

– Нет, ничего подобного, – складка на лбу разгладилась, мне стало немного спокойнее. – Только треугольник. Как бы сильно мне ни хотелось устранить Элис, я не могла сделать это, потому что дорожила Хьюго. Мне оставалось продолжать играть роль подруги и незамеченной поклонницы, – Ка-

ролина улыбнулась улыбкой Моны Лизы.

– Но разве Хьюго не знал о твоих чувствах?

– Почему же, – она быстро подняла брови и опустила их, – знал. Но что он мог сделать с этим? Он не стал бы читать мне нравоучения или отговаривать не совершать страшных ошибок. Он чувствовал лишь привязанность к Элис и Джейсону, а позже – только к Элис. Но меня он продолжал воспринимать как друга и товарища.

– И ты решила убить её? – задавал я глупые вопросы, пытаясь выведать правду.

– Нет же, я сказала, что находилась в стороне от всей этой истории, – она поводила руками и откинулась на спинку дивана. – Я бы ничего не выиграла таким способом.

– И что же ты получила, сохраняя нейтралитет? – я сощурил глаза.

– Хьюго. Как я того и хотела. Он женился на мне после свадьбы Элис и Джейсона, – девушка опустила глаза, – просто потому что у него не было другого выхода, – помолчала она, глядя на свои колени. – Да, не было.

– И ты считаешь, что никак не замешана в истории, раз ты не убила Элис?

– Верно.

– По-моему, всё как раз наоборот, – мне не хотелось говорить этого, но мой язык не знал о том. – Отстранившись от всего, ты только пустила все на самотек.

Мои слова поразили её. Она бы с радостью отправила ме-

ня в загробный мир королевства, если бы имела на то полное право.

– Отчего ты можешь это знать? Ты был на моем месте? Ты знаешь, что значит позволять любимому человеку любить другого, потому что ты не можешь причинять ему боль? Ты знаешь, каково это, чувствовать, что ты остался в доме один, а он уехал к ней, потому что она попросила акварельных красок? Ты знаешь, что такое мокрая подушка, на которой нет ни единого места, где бы ни была твоя слеза, подушка, которая противна тебе, потому что она не заменяет тебе его? Ты знаешь, что такое пустая и холодная кровать, пустующий стул напротив, пыльные полки для одежды, отсутствие мужского запаха в доме? Ты знаешь, как сильно разрывается сердце при виде той, что он любит? И ты должен делать вид, что всё между вами прекрасно, и нет никаких разногласий. Ты знаешь, каково это думать, что его сердце трепещет от радости, когда она ему улыбается, а не ты? Ты знаешь, как это, когда он дарит цветы ей, а не тебе? Ты знаешь, каково это, когда все его мысли о ней, а не о тебе? Ты понимаешь все мои чувства? – вскрикивала она, пытаясь дать мне понять мою неправоту.

Как нашкодивший школьник, я опустил голову и замолчал. Её разрывало на части. Если бы она могла, если бы одно её желание осуществилось, она бы давно стерла себя с лица Земли, она бы давно сделала всё, что хотела. Но она не могла. У неё не было сил. Она спрятала эту боль в себя, настоль-

ко глубоко, что думала, будто никто её не найдет. Она думала, что никто больше не всколыхнет эту историю. Она решила забыть эти мучения, замаскировать их под «легенду». А я нашел «легенду» и разорвал нити, зашитые на живую. Я всё испортил. И мне стыдно за все свои действия: за погоняемых коней, за следы на руке, за допрос, за обвинение. Я был виноват в её настоящей боли. Она бы могла продолжать тешиться «легендой», которая теперь бытует в королевстве, но я сделал что-то непоправимое.

Я прикоснулся к чему-то нереальному.

Глава 6

– Я знаю, как Джейсон сделал предложение Элис, – заговорила она после долгого молчания. – Это было действительно так, как я рассказывала до этого. Он сам всё приготовил, сам подписал открытку с чистыми и искренними словами о любви, сам накрыл на стол, подгадал время для более романтической обстановки. Я не скажу, что завидую Элис... Да, я завидую, – поправилась она, – но это не та зависть, которая вызвана материальным благополучием или чем-то таким. Мне было завидно, что Хьюго выбрал её, – девушка вздохнула и смолкла на несколько секунд. – Я не жалуясь ни на что. Мне радостно было знать, что Элис счастлива быть с Джейсоном. Несколько дней она не переставала делиться со мной своими впечатлениями и воспоминаниями. Тогда они переходили на третий курс обучения и знали, что выход во взрослую жизнь невозможно отменить, и без вечного спутника пройти весь путь будет очень сложно. Они нашли друг друга. И тогда, и сейчас я рада этому. Они действительно должны были быть вместе, а Хьюго был лишним, но он не понимал того.

Серебряное кольцо с тремя небольшими бриллиантами – обручальное кольцо, которое подарил Джейсон. Она всегда смотрела на него с любовью, разглядывала его, будто хотела запомнить навсегда с точностью до микрометра. После учебы спешила домой, чтобы приготовить еду для Джейсона,

обрадовать его, поболтать с ним о прошедшем дне. Казалось, они были не просто мужем и женой, но единым целым. На последнем курсе Джейсон купил небольшой домик у реки и парка, куда они переселились после выпуска. А большой дом, в котором он до этого жил, отдал родителям, что продали ферму на окраине города. Старикам хотелось просто пожить для себя, расслабиться, дождаться внуков и повозиться с ними.

Джейсон устроился на работу в больницу, куда после смогла присоединиться Элис. Хьюго, выпустившись, понял, что опоздал и позвал меня замуж. Я согласилась. И стала его молчаливой женой, – она улыбнулась. Мне понравилась эта улыбка: в ней не было фальши, злости, наигранности или надменности. Она просто улыбалась со спущенными вниз ресницами и просто была немного той девушкой с загадочной улыбкой. – Знаешь, я была рада такому расположению дел, – сказала она, переведя взгляд точно на меня. – Ты мне напоминаешь его. Такой же всезнающий и точный во всем, – ладонь легла под щеку. Глаза засветились приятным светом, я был смущен и удивлен таким поведением.

Каролина поднялась и за одно движение приземлилась около меня. Но она ничего не делала более. Мы сидели, словно двое ожидающих свой поезд. Её руки лежали на коленях, будто у школьницы, мягкие ресницы вздрагивали, а губы продолжали улыбаться. Я затаил дыхание. Никогда не видел её такой. Она всегда была быстра, расчетлива в движении.

ях и словах, вымеренная во всех отношениях. Она тоже была рождена для этого «больничного мира». Возможно, она переняла все повадки Хьюго за столь долгий срок любви к нему.

И пока поезда не пришли, нужно было скоротать время.

– Ах, да, – спохватилась она, – они и правда часто проводили летние каникулы на озере Соломона. Там им казалось, что этот кусочек мира создан только для них. Осенью их навещала племянница Чарли, с которой они занимались, подготавливая малышку к школе. И она становилась для них почти их собственным ребенком. Они, конечно, задумывались о детях, но им хотелось пожить и для себя. По праздникам они любили навещать всех друзей, подарить им немного радости и счастья. Зима пролетала для них быстро, они жили в доме родителей, где раньше жил Джейсон в одиночестве. Однажды они ездили в Египет, где познакомились с одним юношей-историком, который рассказал им о культуре страны и, конечно же, о вере в загробный мир. Честно скажу, Элис долго не могла отойти от той поездки, часто болтала про их экскурсии по городам, достопримечательностям, про их вечерние купания в реке... – она замялась и осторожно произнесла, улыбаясь: Чуть не сказала: «Иордан». Нет, в Ниле. Но особенно её удивили те истории про загробную жизнь и веру в неё. Ей думалось, что человек продолжает жить и после смерти, а здесь – на Земле – временное пристанище для души. Элис долго изучала различные иероглифы. Кажет-

ся, у неё даже были тетради, исписанные ими. Всё пыталась и искала нужные, что помогут жить дальше. Думала, в них заключена особая сила и даже магия, пыталась приобщить к их изучению Джейсона, но тот скептически относился ко всему необъяснимому. Спустя некоторое время и она охладела к этому делу.

Элис устроилась медсестрой в детский сад и работала там, пока не начали происходить непонятные сбои в её организме. Память ухудшалась. Хьюго и Джейсон пытались ей помочь, они делали это как могли.

Но дальше всё было не так, как я рассказывала до этого. Да, Джейсон пропадал днями, неделями и месяцами в лаборатории, чтобы создать лекарство для Элис. А Хьюго сначала помогал ему, как коллега и друг, но потом перестал это делать, потому что кое-что понял. На самом деле Джейсон создал экспериментальное лекарство, которое не было изучено до конца. GS-3. Так оно называлось, – она выдохнула, сложила пальцы в замок и, поведив взглядом по ординаторской, продолжила: Он дал его Элис.

Её голос задрожал. Девушка закрыла глаза, собираясь с силами. Мне было страшно пошевелиться. Казалось, рядом со мной – пташка – и одно неверное движение или легкий свист воздуха в ноздрях заставят её упорхнуть навсегда. Я знал и чувствовал, как ей мучительно от истории, но мог помочь лишь собственной тишиной.

– Он дал ей непроверенное средство, но он понимал, что у

них нет времени, что всё может привести к ужасным последствиям. Ведь не только память подвергалась нарушению, но и мыслительная деятельность, и нервная, и обменная, которые могли повлечь за собой отказ от движения всего тела и прекращение метаболических процессов, – она остановилась и лишь глазами посмотрела на меня, видимо, с мыслью, понимаю ли я, о чем она говорит. – Он очень боялся всего этого и не хотел терять Элис. Потому дал ей то, что не было проверено.

И сначала всё было хорошо. Она переставала забывать, память начинала возвращаться. Они с Джейсоном уехали на озеро на очень долгий промежуток времени. Тогда Хьюго предупредил его о возможном прекращении действия лекарства, но самоуверенный Джейсон не придавал значения совету друга. Вернувшись домой, они некоторое время провели вдвоем. А потом всё внезапно стало хуже, – Каролина сжала губы и медленно расслабила их. – Этим «докторам», – она дважды сжала и распрямила указательный и средний пальцы на обеих руках, – пришла в голову мысль. Они собрали свои сбережения и выкупили больницу, что простаивала уже много лет просто так. Больницу Хоторн. Но правительство было против того, чтобы они забирали абсолютно всю территорию. И здание разделили на... три части, – выпалила она.

– На три? – переспросил я. – Ты говорила о двух.

– Терпение, – она подняла длинный палец. Девушка до сих пор сидела так, не сдвигаясь ни на миллиметр ко мне.

Иногда думалось, что она говорит в пустоту. – Главная часть здания стала поместьем Хоторн, куда и была определена Элис. Слева от неё располагались небольшие домики-палаты, поскольку эти двое не могли содержать там только Элис. Чтобы отвести подозрение.

– Подожди. Зачем правительству нужны были такие проблемы с разделением больницы на части? Разве это могло чем-то помочь? – решил уточнить я.

– Понимаешь, – она вздохнула, – когда тебе нужно скрыть то, что не должно быть у всех на виду, ты делаешь для этого всё, что угодно. Так получилось и здесь. Хоторнская больница была открыта за 191 год до её повторного открытия, и, как говорит мемориальная табличка, «лечили там меньше всего как людей, но больше всего как лабораторных экспериментов». Именно по этой причине её закрыли где-то в 1950 году. И через 47 лет «Доктор Джейсон Бэтлам и его друг детства Хьюго Симмс», так написано там, открыли больницу как поместье-центр реабилитации.

– Получается, они тоже скрывали свои истинные цели? – опустил я взгляд на пол.

– Ещё как. Вернее, делал всё Джейсон. Хьюго лишь вложил небольшую часть за треть... – сказала она, остановившись, но вспомнила, что выдает всю историю на чистоту, исправилась: за шестую часть больницы.

– Почему так мало?

– Он понял, что не нужен Элис.

– Но ведь это не могло закончиться просто так, – я развел руками.

– Да, и так оно не закончилось, – она помолчала с секунду и продолжила: Элис была помещена туда под предлогом лечения. Она наверняка знала, чего стоило поместье, и не хотела быть обузой для Джейсона. Её радовало, что Хьюго навещает её, пусть и редко. Даже я приходила к ней однажды. Но она просила больше не приходить, потому что не хотела, чтобы я видела её в ужасном состоянии. Элис действительно изменилась за тот промежуток времени: волосы поредели, лицо осунулось, тело исхудало. Я знаю, что ей нужен был собеседник, чтобы излить весь накопившийся груз, и я пыталась им быть. Однако она того не хотела, – уголок губы слегка приподнялся. – Знаешь, возможно, уже тогда она решила умереть. Потому просила не приходить больше.

Джейсон так же пропал в лаборатории, местонахождение которой было никому не известно. Изредка он навещал Элис, проводил с ней несколько часов утром. Но женщине всегда нужно, чтобы любимый мужчина был рядом, особенно женщине, чувствующей приближение смерти. Джейсон этого не понимал и пытался найти способ вылечить жену. Я прекрасно понимаю и того, и другого, но тогда никто не был способен вразумить Джейсона. Он пытался дать ей шанс жить, хотел снова вдохнуть в неё жизнь и радость, искал пути её выздоровления и потому поступил так мерзко. Но если бы хоть кто-нибудь повлиял на него, сказал ему, что она нужда-

ется в нем, что проводит бессонные ночи в холодной кровати, что смотрит отсутствующим взглядом в одну точку, что злится, когда осознает тяжесть своего положения или собственную слабость, что она плачет, едва увидит отражение в зеркале, что она осознала всю свою никчемность и ненужность, что всё чаще и чаще в голове появляется мысль о самоубийстве. Но все молчали. Абсолютно все, даже я. Словно меня это не касается, – она склонила голову и с трудом сглотнула. Мне становилось жутко, ладони вспотели от неожиданной исповеди. – Мне казалось, что всё разрешится само собой, как то обычно бывало. Но я не понимала, что её жизнь балансирует на грани, я боялась того, что не смогу помочь ей. Боялась ответственности за свою помощь. Я не могла ничего сделать. Не могла и не хотела. Я думала, что Элис выйдет за Джейсона, и всё будет прекрасно. Что моя мечта быть с Хьюго осуществится и почувствую себя счастливой женщиной. Мне казалось, что именно в этом была моя цель. Захватить его, как трофей, и плевать на всё вокруг. Но реальность оказалась страшнее и серьезнее. Она проводила очень много времени в Хоторне, настолько много, что поля прочитанных книг были усеяны палочками прошедших дней. Она была там одна, – её губы лихорадочно дрожали, слова сливались в непонятную скороговорку. – Абсолютно одна. А мы... Никто из нас этого не понимал, никто не пытался изменить её положения, никто не старался быть с ней рядом, когда она умирала. Она умирала в одиночестве! – она подскочила,

поворачиваясь ко мне. И я увидел слезы страдания. – Вот, что страшно! И двое любящих её мужчин не сделали ничего, чтобы что-то поменять. Да ни один из нас не видел страдающий Элис, её просьб о помощи и свободе. Даже я старалась не слушать её, не воспринимать слова всерьез. Просто опустила руки и отгородилась от этой истории.

Каролина рывком поднялась и широкими шагами направилась к выходу из ординаторской.

Когда-то давно я читал статью в газете о достижениях в области медицины. Там говорилось о некоем докторе Джейсоне Бэтламе, который установил причину болезней, сходных с амнезией и склерозом, и почти достиг открытия лекарства от них. Но я не знал, чего стоили эти открытия. Он тоже проводил эксперименты. Над своей женой.

Ладони легли на мое лицо, я бы смог пустить слезу, если бы понимал его мотивацию. Меня мучило непонимание и жалость к Элис, которая ни в чем не виновата. Если бы она сделала что-то, что могло его заставить убить её таким извращенным способом, но вряд ли она могла сделать что-то подобное. Они же любили друг друга, они же жить не могли друг без друга. Что же изменилось?

В груди сдавило. Мне хотелось вдохнуть воздуха и крикнуть. Горло пересохло. Подушечки пальцев горели. Глаза слезились. Казалось, что я сидел не в здании, а в сухой, голой пустыне.

Кажется, я затронул что-то ужасное.

Глава 7

Каролина вернулась спустя десять минут. За это время я думал, что сойду с ума. Побродив по коридору у кабинета, я не чувствовал, что мне становится лучше. На секунду даже остановился, долго вглядываясь в удалявшиеся палаты. Голову распирало от роящихся в ней мыслей, хотелось ужать их в комок, но они рассыпались и с удвоенной скоростью проносились мимо меня, не давая ответов.

– Элис умерла 2 февраля. В свидетельстве о смерти причиной было указано «рисование», – я одарил девушку удивленный взглядом. – Она умела рисовать и хвасталась этим еще со школы, об этом мне рассказывал Хьюго. Но и в университете она не изменилась: посылала свои работы на выставки, занимала призовые места и задирала нос. Я несколько ей не завидовала, потому что не видела в том смысла. Когда она лежала в Хоторне, не прекращала рисовать. Но раньше сюжеты её творений были различны, она изображала животных, детей, а как только болезнь захватила её мозг, на всех полотнах красовалась одна и та же картина. Она рисовала её долго, каждую последующую репродукцию еще медленнее, словно именно это давало ей жизнь. Картина будто должна была отсрочить смерть. А этого не случилось, – девушка кивнула в подтверждение своих слов. – Последняя картина на большом полотне создавалась около года. Не

знаю, что там было такого. И когда работа была закончена, она сделала это. То, что так долго задумывала. То, чего так сильно хотела и ждала, – Каролина останавливалась после каждого слова, словно ей было трудно дышать и даже думать.

Тело Элис лежало на кровати. Белые простыни залиты красной кровью. Живот бедной девушки напоминал торт с погасшими свечками. Из него торчали злополучные рисовальные кисти, вымазанные в акварели, купленной Хьюго, и в крови. Она знала, на что идет, и потому спокойно сделала это.

Каролина подняла голову на настенные часы и тихо охнула. Она подорвалась, и двери ординаторской возмущенно захлопнулись. Мне было не дано дослушать эту историю.

Взявшись за учебник по неврологии, я пробежал глазами по строчкам и не понимал, что в них написано. Голова была занята мыслями об Элис. Неужели даже Хьюго не мог ничего сделать? Она же была больна, неужели его чувства не проснулись, и он не ринулся к ней на помощь? Или он был так же отвергнут, как и Каролина? Влюбленный бы не был так слаб, как Хьюго. Его поведение не внушает доверия. Или он тоже не знал, чем ей помочь?

– Хватит читать. Через пятнадцать минут заканчивается наша смена, – в ординаторскую так же внезапно вошла медсестра, она бросила на стол дела пациентов и сбросила с плеч халат.

Глядя на неё, я не понимал, о чем она говорит, лишь тупо

смотрел на неё и на то, как она переодевается. Через долгое время до меня дошло, что я сижу и в открытую пялюсь на замужнюю женщину. Подняв учебник деревянными руками, я продолжал смотреть на то же место, куда были устремлены мои глаза, но вместо фигуры я видел белые страницы и расплывчатые черные буквы. Каролина переоделась и тогда заметила, что я никуда не выходил.

– Уж больно много потрясений для одного дня, – едко высказалась она, забросила сумку на плечо, схватила со стола дела и, испепеляя взглядом, вышла за дверь.

Как она может так быстро меняться? Всего несколько мгновений назад она рыдала и билась в истерике, едва могла успокоиться, а сейчас – ходит с каменным лицом и говорит железным голосом. Её психика неустойчива. Кажется, моя тоже.

Но ощущение глупости и дурости в собственном поведении не покидало меня до самого дома.

Глава 8

В выходные мне пришла ужасная идея выведать остаток истории. Но план осуществления всё не приходил, пока я не взглянул на домашний телефон. Подбежав к нему, я взял трубку и собрался было набрать номер, но вспомнил, что я его не знаю в принципе. Положив трубку на место, подумал, что есть только один выход.

Одевшись, закрыл окна шторами, чтобы дневной свет не нагревал комнату, обулся и вышел из квартиры. Я знаю, где живет Каролина, и мне не составит труда навестись туда. Как-то раз мы праздновали что-то всем отделением, и единственный трезвый человек развозил всю ораву веселых людей. Тогда я и увидел, где находится её дом. Да и вообще всех подчиненных.

Заскочив по пути в цветочный магазин, выбрал тюльпаны и проследовал на остановку. В автобусе все дамы смотрели на меня с нескрываемым любопытством. Кажется, они давно не видели мужчины с цветами. Становилось не по себе, шея взмокла, рубашка прилипала к телу, под носом появлялись капельки пота, холодящие кожу от каждого выдоха. Смущение от взглядов или волнение от предстоящего разговора? Сошел на нужной остановке, поднялся в квартал частных домов и прошагал по длинной дороге, проходящей вдоль улицы.

Дом Каролины был двухэтажным, передний двор занимал небольшое место, что говорило об отсутствии детей в семье, вокруг были посажены хорошо ухоженные цветы. Взглянув на свой букет, понял, что этот веник не идет в сравнение с нежными розами и маргаритками. Поднявшись по трем ступеням, встал напротив двери и почувствовал дикий страх. Сердце не унималось в течение нескольких минут, ноги подрагивали, словно я танцевал около часа, не останавливаясь, руки холодели и потели, дыхание прерывалось. Создавалось ощущение, что я пришел на первое свидание в своей жизни. Потоптавшись у двери, заглянул в ближайшее окно. Ничего не видно. Преодолев такой путь, я не хотел уехать ни с чем, но обстоятельства вынуждали сделать это. Обстоятельства – это моя нерешительность и подкашивающиеся ноги.

Вжав кнопку звонка, я услышал щебетание птиц. Одернув палец, понял, что нужно было скорее сбегать с места преступления, пока никто меня не увидел. Опасливо оглянулся, словно вор. Послышались легкие скорые шаги. Щелкнул замок, и я увидел светлое лицо Каролины.

– Доктор Нил? – она была удивлена не менее моего. – Что Вы здесь делаете?

– Привет, Каролина, – я чувствовал себя истуканом, который мог автоматически отвечать на реплики, но забыл, как двигаться. – Я к тебе, можно? – мои брови так сильно залезли на лоб, что я думал, будто они сейчас слетят в лица вовсе.

– Ну, – она опустила глаза, подняла их сощуренными, ско-

ро кивнула и захлопнула дверь. Отодвинув цепь, она открыла её и произнесла: Не ожидала Вас тут увидеть. Вы же живете очень далеко отсюда, что привело Вас сюда?

– Твоя история, конечно же.

Я переступил порог, отгесняя девушку назад. Она смотрела на меня, не понимая, чего я хочу.

– Я уже рассказала Вам всё, – она пожала плечами.

– Точно? – я протянул букет с цветами.

Каролина повернула защелку и вставила цепь на место. Её пальцы обхватили цветы, на лице появилась улыбка.

– Зачем это? Если три дня назад я жаловалась, что мне никто не дарит цветов, это не значит, что нужно тут же кинуться дарить мне их, – бросила она игриво.

– Ошибаешься. Я абсолютно сделал это не потому.

– Тогда...?

– Чтобы ты пропустила меня, – я невольно улыбнулся, осознавая глупость причины.

– Я бы это сделала и так, – сказала она, наливая воду в кувшин из стекла. – Проходи в гостиную.

Я сбросил с плеч куртку и повесил её на свободный крючок. Ноги шумно шлепали по деревянному полу, но в комнате лежал ковер, который заглушил мой топот. В центре стоял диван, напротив него – телевизор, а позади открытые шкафчики с полками, к которым я и подошел. На них стояли книжки по медицине, биологии, даже школьные учебники имели место быть. Внизу хранились журналы неизвестно-

го содержания. На некоторых располагались фигурки животных, одна из таких фигурок представляла собой уменьшенную копию бюста Гиппократы. На дальнем шкафчике не стояло ни одной фигурки, только фоторамка. В неё была вставлена фотография четырех задорных студентов в мантиях.

– Это мы все вместе, – услышал я её спокойный голос. Девушка подошла ближе, заглядывая за плечо. – Пожалуй, единственное фото, где мы все. Остальные не сохранились.

Я вопросительно посмотрел на нее. Она убрала руки в задние карманы джинсовых шорт и сказала:

– Я их сожгла. Тогда мне все казались врагами, и я хотела избавиться от прошлого.

– Но это не помогло?

Она отрицательно качнула головой.

– От прошлого не сбежишь.

Мы сели на диван. Девушка села на ногу и закинула руку за спинку, так она могла смотреть прямо на меня. Я снова почувствовал неловкость.

– Что ты еще хотел узнать?

– Ничего, что я пришел? Я не мешаю тебе?

– Своевременный вопрос, – улыбнулась она. – Нет, я ничем не была занята. К тому же мне скучно, когда Хьюго уезжает в командировки.

– Его сейчас здесь нет? – удивился я. До этого момента я считал, что он умер, поскольку она всегда говорила о нем так, будто его больше нет. Вида не подал. Наверное.

– Нет, – хмыкнула она. – Иначе он бы приветствовал тебя. И не факт, что он бы пропустил тебя, – губы вытянулись, сложившись в трубочку.

– М-м, ну, ладно тогда, – я отвернул лицо, чтобы она не поняла, что я немного озадачен и смущен.

– Когда Элис поместили в Хоторнскую больницу, вернее, в поместье, она продолжала пить лекарство, но другое, что стимулировало память, – заговорила она бодро, без скрипа в голосе. Сложилось впечатление, что она за небольшой промежуток времени приняла всю ситуацию, и больше ни о чем не жалеет. – Однажды она заметила, что стабильное состояние начало ухудшаться, и поняла, что что-то не так, несмотря на то, что медикаменты употребляла те же. Говорить с Хьюго она побоялась, потому что не хотела его волновать, а спросила у Джейсона, дает ли он ей тот же препарат, что давал самым первым. Он же говорил, что временно её лечение тем лекарством приостановлено. Он лгал ей. Элис нашла в его верхней одежде баночку с синими капсулами, которые и содержали в себе тот гадкий медикамент. Но она промолчала, ничего ему не сказала. Таблетки, которые она принимает просто так, запивая их, действительно были стимуляторами. Она поняла, что именно еда является источником, скрывающим в себе тот злополучный препарат. И она стала выбрасывать еду в канализацию. Сама того не подозревая, Элис испортила речку, которая там протекала, и правительству пришлось оградить эту местность, потому что по-

ступали многочисленные жалобы на странный вкус воды, на то, что готовить из неё вообще невозможно. По городу даже прошла «эпидемия» рвоты. Эксперты проверили близлежащие водоёмы и нашли испорченную речку. Они сделали заключение о том, что река всего лишь загрязнена сточными водами горных предприятий. На самом деле это было не так. Быть может, кажется, что в еде содержится небольшое количество GS-3, которое не могло испортить целую реку, но дело даже не в количествах. А в том, что препарат при реакции с водой давал гремучую опасную смесь, способную вызывать не просто потерю памяти, но и паралич, рак мозга, сердца, да и всех органов, даже рак крови. В желудке эта смесь нейтрализуется, и она не так сильно влияет на организм. Но, не зная причины возникновения этой смеси, специалисты не могли «вылечить» реку. И правительству пришлось закрыть ту местность. Потому её даже называли островом некоторое время.

Джейсон не знал о том, что она сделала, но продолжал пичкать её непроверенным препаратом. GS-3, кажется, я говорила уже. Синие таблетки в маленьких баночках. Сколько этих баночек стояло в том домике, где они жили! Она уже не хотела, не могла принимать их, её воротило, тошнило ото всего, что с ней происходило. Возможно, Джейсон сам не понимал, что он убивает её. GS-3 вызывал не только ухудшение состояния, но и затормаживал мыслительную деятельность, сильно влиял на настроение. Выбросив еду с ядом, она ду-

мала, что избавится от него, но этого не случилось. Бедная Элис, – она вздохнула, положив ладонь на глаза.

Каролина задумчиво замолчала. Волнение возвращалось. Об этом было невозможно говорить спокойно. Но она убрала руку от лица и посмотрела на меня.

– Помню, как у них сложилась традиция, после сообщения или письма ставить крестики. Меня это забавляло тогда, а сейчас понимаю, что это был их собственный язык. Небольшие «xxx», казались каким-то странным кодом, лишь им понятным. Они оба любили думать, – она засмеялась, – в смысле, разгадывать загадки, находить решения из сложных ситуаций. Потому в их партах всегда лежали какие-то замки со странными ключами, которые им нужно открыть. А позже они стали придумывать загадки друг для друга. И Джейсон знал, чем стимулировать работу мозга Элис. Именно, – она кивнула, понимая, что я догадался. – Это были загадки и головоломки. Но она знала Джейсона и его образ мыслей, потому решала всё быстро и обходила любые защиты. Однако однажды он запер её в их маленьком домике, где ей пришлось находить всё для «побега». Точнее, вспоминать. Потому что память уже начинала давать сбои.

– Откуда ты знаешь всё так подробно? – закралось у меня сомнение о её непричастности к истории.

– Элис хоть и не подпускала меня к себе, но она часто писала мне письма. Пока они жили в домике до её болезни, мы общались с глазу на глаз. После их приезда с озера Соломона

она долго не писала, потому мне приходилось выпрашивать Хьюго. Скрытый, – она слегка улыбнулась. – Он не хотел мне ничего рассказывать, потому что знал, как я отношусь к Элис. Но тогда мне удалось переубедить его, и он изложил мне много чего: про их школьную жизнь, про поиски лекарства, про поместье. А потом, когда её поселили в Хоторне, она снова начала писать. И я приехала к ней однажды, но больше не навещала.

Она поднялась и подошла к шкафчику, взяла фотографию и протянула мне. Я смотрел на четверку задорных юнцов, уже вошедших во взрослую жизнь, но еще не знающих о предстоящих трудностях. Каролина почти не изменилась, только волосы стали короче и мелкие морщинки под глазами выдавали её возраст. Справа от неё стоял Хьюго, он был на полголовы выше её, улыбался и весело размахивал своим документом, подтверждающим окончание университета. Он обнимал Каролину за плечо. Слева стояли те двое, ставшие героями этой истории. Элис мягко улыбалась, поправляя короткие каштановые волосы и прямо глядя на фотографа своими зеленоватыми глазами, Джейсон был повернут полубоком, словно Луна, у которой есть вторая, темная, сторона. Он возвышался над всеми, будто маяк.

– Это был выпускной Хьюго, но мы пришли, чтобы поддержать его, – она с нежностью смотрела на фотографию. – Он был так рад, что мы не забыли о нем.

– Кто догадался одеться в выпускную форму? – меня по-

веселила предприимчивость этого выдумщика.

– Конечно же, Джейсон, – растаяла она.

Было нечто странное в этой фотографии. Ребята были дружны, но они были одиноки. Почему никто из них не хотел понять другого, прислушаться к нему? Почему каждый из них придерживался своих корыстных целей? Каролина хотела быть с Хьюго, Джейсон желал найти лекарство от болезни во имя смерти Элис, Хьюго хотел удовлетворить свою любовь. Но почему так всё произошло?..

– Слушай, скажи мне, почему Хьюго был так слаб по отношению к Элис?

– Ты о чем? – подняла она одну бровь.

– Ну, ведь, когда любишь кого-то, ты помогаешь человеку во что бы то ни стало, делаешь для этого всё возможное. И даже, если он не хочет быть с тобой, ты просыпаешься и в час ночи, и в два и едешь к нему, – говоря это я краснел.

– Был печальный опыт? – с вызовом спросила Каролина.

– Нет, – растеряно ответил я.

– Понимаешь, – она помяла губы, – Хьюго не был слепым влюбленным. Он же с самого начала знал, что Элис не уйдет от Джейсона, что она не оставит его. Потому он и не гнался за ней, а любовь в последствии угасла, стала дружбой. Думаю, – она понизила голос, – она тоже попросила его не приходите к ней часто. Во-первых, был риск воскресить чувства, во-вторых, она не хотела, чтобы её видели в таком состоянии.

– Значит, так всё и закончилось? – задал я вопрос, глядя

на фото.

– Почти, – выдохнула она, распрямляя ногу. – Мы с Хьюго уехали сюда, а Джейсон не достаивал нас информацией о себе. Иногда мы ездим туда, чтобы вспомнить об Элис. Но на день её смерти Джейсон никогда не появлялся. Кажется, он... Не знаю, даже предположить не могу, где он сейчас, – покачала она головой.

– Понятно, – произнес я тихо. История всё сильнее задевала меня, чем больше я узнавал. Повертев в руках фотографию, прочитал на обратной стороне: «С любовью от всей компании, Элис. Мы замечательная семья». Сердце защемило, я едва не расплакался, увидев эту надпись. Она считала их всех семьей, а они поступили предательски по отношению к ней. Почему? – Каролина, ты однажды сказала, что Хьюго отомстил за Элис. Что ты имела в виду?

– Это была не совсем месть, – она вздохнула и облизала губы. – Он написал Джейсону письмо о том, что думает насчет всей ситуации. Он негодовал, что Джейсон так поступил с Элис, его собственной женой. Припомнил ему те времена, когда они учились в школе, в университете, когда они отдыхали на озере, в Египте. Он дал ему возможность вспомнить всё, совершенно всё. Хьюго не понимал, как можно было пропадать целыми днями в лаборатории и не находить времени для любимой. Он делал вывод, что Джейсон не любил Элис, а просто прикидывался и вил из неё веревки. Он пытался пробудить в нем оставшееся человеческое, что-

бы тот одумался и сделал всё, что зависит от него не как от врача, а как от мужа. Хьюго ничего так не хотел, как то, чтобы видеть Элис счастливой. Он хотел, чтобы Джейсон был достоин её. Но, не смирившись с его эгоистичностью и лживостью, он просто перестал с ним общаться.

– «Эгоистичностью»? В каком это смысле?

– Сделать прорыв в науке – всегда очень почетно. Именно этого Джейсон и хотел. Пусть это была не единственная его цель, но всё же она была, и это никак нельзя отрицать. Он давал интервью, ходил на конференции. Пусть всё это было редко, но он делал это! – она прижала ладонь к груди и посмотрела на меня глазами, полными печали и скорби. – Это время он мог потратить на Элис. На свою жену. Но он этого не делал.

Каролина закусила губу и выдохнула. Она понимала, как ужасно поступил Джейсон и как она безжалостно бросила подругу. Она не пыталась кого-то оправдать. Все были виноваты.

Но я понял, что Хьюго всё же пытался что-то изменить, что всё не было так ужасно, как мне казалось. Он не был глух к болезни и страданиям Элис, он хотел видеть её вновь здоровой и счастливой. А для того ему не стоило действовать самому, нужно было действовать Джейсону, которого она любила.

– Знаешь, если хочешь, мы могли бы как-нибудь вместе съездить туда, – медленно проговорила Каролина, глядя на

свои пальцы, переплетенные между собой.

– Здорово, – меня очень обрадовала эта идея. – Я буду тебе признателен.

Глава 9

Зима настала быстро. Всё это время я не рассуждал о той истории: было некогда. В королевстве Больница происходила смена власти, и одна королевская чета заменяла другую. Мне же, как вечному подданному, приходилось подстраиваться под новых правителей.

Каролина Симмс стала радостнее и менее задумчивой. Видимо, то объяснение и осмысление помогли ей разобраться во всем. Вскоре она сказала, что Хьюго вернулся из командировки. А потом она не появлялась на сменах некоторое время. Говорили, что она заболела, но интуиция подсказывала, что это вовсе не болезнь.

В конце января она позвонила мне на домашний, что удивило меня.

– Привет, доктор Нил! – веселый голос раздался в трубке.

– Привет, медсестра Симмс, – вторил я ей. – Где пропадаешь?

– Не поверишь, некогда было работать, – что-то юношеское появилось в её голосе, я не мог понять, точно ли я разговариваю с Каролиной. – Но об этом потом. Выйду я только через две недели.

– Жаль, все тебя уже заждались. Рук не хватает!

– Да-да, так я и поверила твоим сказкам, – хихикнула она. – Звоню я тебе по делу. Помнишь, я рассказывала тебе

об Элис Бэтлам? Мы собираемся ехать проведать её. Ты с нами?

У меня перехватило дыхание. Я замер, тупо глядя на кухонный кафель. Вот уже столько времени я не слышал этого имени и уже почти забыл всю историю, а тут как снег на голову.

– Эй, Нил, чего молчишь?

– Н.. Извини, не ожидал такого приглашения, – оправдался я, поправляя трубку телефона. – Когда мы едем?

– Так ты согласен?

– Конечно, зачем ты спрашиваешь? – ухмыльнулся теперь я.

– Первого числа в 10 часов мы заедем за тобой.

– Ты знаешь, где я живу?

– Ну, ты же знаешь, значит, и я тоже, – лукавство промелькнуло в её голосе.

– Ладно. Договорились, – не стал вдаваться в подробности.

– Отлично. Пока, Нил!

Оставшиеся дни до поездки я провел в непонятном тумане и нетерпении. Сложил чемодан еще за два дня того, как Симмсы приехали за мной. На работе старался ни с кем контактировать, они бы всё равно меня не поняли. А когда я проснулся с осознанием пришедшего долгожданного дня, то совершил все обыденные дела менее, чем за час. Остальное время сидел в гостиной с чемоданом между ног и гипноти-

зировав стрелки на часах. Раздавшийся гудок вывел меня из ступора, и я подскочил как ужаленный. Схватив пальто и чемодан, выскочил из дома и увидел черную машину, около которой стояла Каролина, поправлявшая волосы.

– Привет, Каролина, – отозвался я, подходя к ней.

– Привет, Майкл, – она слегка обняла меня, обдавая нежным запахом духов. – Поедем скорее, пока машин мало на дорогах.

Я загрузил чемодан в багажник и сел внутрь. На водительском месте, положив руку на дверь, восседал крепкий мужчина с притканными глазами. Он обернулся ко мне, когда я расположился, и протянул широкую ладонь.

– Хьюго Симмс, – произнес он низким голосом.

– Майкл Нил, – вторил я ему и пожал руку. Тот малец с фотографии сильно повзрослел и возмужал, мне казалось, что то был совсем другой человек.

– Итак, Каролина сказала, что ты всё знаешь. Извини, я буду на «ты», – он мельком смотрел на жену и говорил. – Не думаю, что это слишком интересная история для исследования. Но я не собираюсь отговаривать тебя ехать с нами, к тому же, насколько мне известно, ты давно не видел свою сотрудницу.

Он улыбнулся и отвернулся. Машина завелась, и мы поехали. Всю дорогу Каролина спала, а мы с Хьюго молчали. Я боялся что-либо спросить у него, потому что это будет некультурно и грубо, поэтому я старался улучшить момент,

чтобы разглядеть его как можно лучше, но он то и дело смотрел на меня через зеркало. Или мне так казалось.

Спустя несколько часов мы остановились около ворот, которые соединяли две части забора, уходящие в разные стороны так далеко, что я не видел их концов. Девушка проснулась и, улыбаясь, объяснила мне, когда Хьюго вышел из машины и направился к воротам:

– Это тот самый «остров». Ключи от этих ворот есть только у главы штата и у Хьюго.

– Значит, мы уже приехали?

– Да, всё верно.

Вкатившись за забор, мы поехали по лесу. Тропинка была не очень удобной, под колеса то и дело попадались большие камни, тормозившие наше движение. На развилке мы повернули направо. Двигаясь еще около трёх миль, увидели домик.

Внутри меня всё замерло, словно туда залили холод. Я ясно чувствовал, что это и есть тот самый домик, где жили Джейсон и Элис, где развивалась и деградировала болезнь, где девушка бывала запертой в поисках ответов. А сейчас света в маленьких окошечках не было, от этого дом казался старым и заброшенным. Если мне не изменяет память, история оканчивалась лишь около девяти лет назад.

Мы поехали мимо домика, обогнув его. Остановились около другой хижинки, не сильно отличающейся от предыдущей. Хьюго заглушил мотор.

– Ну, вот и приехали.

Выбрались, разобрали чемоданы, хозяйева отперли дверь, и мы вошли. Ничего необычного я не заметил: две кровати – двуспальная и полутораспальная – стол, камин. Скромно, но достаточно для одной ночевки. Каролина выделила мне постельное белье, после чего мы заправили обе кровати. Выложили содержимое наших чемоданов и сумок. Через час я спросил, есть ли у меня возможность заглянуть в домик Элис. На что Хьюго скривил губы и отозвал жену. Они недолго разговаривали, но Каролина не казалась более такой веселой, как раньше.

Мы вышли из домика и пошли по дороге.

– Что-то не так? – спросил я.

– Нет, все в порядке, – лицо озарила улыбка, наигранная улыбка. – Просто Хьюго не очень нравится твоя идея визнавать всё то, что мы старались так глубоко запрятать. Пойми его правильно, он тоже непосредственный участник этих событий.

– Всё нормально. Наверное, я бы реагировал так же, – быстро сказал я.

– Ничего. Я взяла ключи от всей территории, так что, если тебе еще захочется куда-нибудь, я могу сводить тебя.

– Если это не затруднит тебя.

– Ты хочешь в Хоторн? – догадалась она.

– Да, очень, – с жаром выпалил я.

– Что ж, тогда пойдём пока к домику. Я открою тебе, а

сама вернусь за машиной. До Хоторна не так близко идти – почти шесть миль.

Я согласился. Каролина отперла дверь, и я зашел внутрь. Пощелкав выключателем, понял, что света тут нет. Вышел наружу и увидел у светильника висящий фонарик. Ударив его дважды, я был удивлен яркому свету, выстрелившему мне в глаза. Вернувшись вовнутрь, засветил фонариком путь. На прямоугольной тумбе посередине комнаты лежала записка и детский рисунок. Неумелой рукой были выведены «дядя Джейсон» и «тетя Элис», на крыше дома вольно разгуливало животное, отдаленно напоминающее кота, подписанного как «Люси». Записка говорила о задании, предназначенном для Элис, – выйти из дома, решив все головоломки. Внизу стояла подпись: «Джейсон ххх». О чем и говорила Каролина: ничего не поменялось со школьных времен. В стену был встроен старый блочный камин, в котором лежали целые неиспользованные дрова. Побродив еще, увидел над входом нечто похожее на чердак, там располагалась кровать и телевизор. Не так много мебели сохранилось с того времени, или её изначально было мало. Я покрутился около деревянного стола и случайно направил свет на противоположную стену. Дверь была приоткрыта, и я смог заглянуть внутрь. Во второй комнате тоже стояла кровать, но рядом с ней покоился шкаф с редкими вещами. На верхней полке лежали открытые баночки из-под GS-3 с именем Элис Бэтлам, все они были пусты. На средней стояла коробочка с пятизнач-

ным кодом, она тоже была открыта и пуста. Внизу дожидалась своей участи печатная машинка, на которой было написано имя её владельца – Джейсон Энтони Бэтлам. Прошагав дальше, я наткнулся на стол с открытым, но выключенным ноутбуком. Пытаться воскрешать машину я не стал, потому что весь дом был обесточен. Рядом со столом была распахнута дверь, в маленькой коморке не находилось ничего интересного, только стол с лампой. Не отрицаю, что там тоже находилась загадка или подсказка.

Именно здесь они жили, именно здесь всё и происходило. Осознание близости истории взбудоражило меня, и по спине пробежали мурашки. Водя по деревянным стенам фонариком, я едва понимал, что сейчас стою на том месте, где когда-то Элис задавала свои одинаковые вопросы, забывала всё, что было вчера, где когда-то они жили счастливо, с любовью смотрели друг на друга и не думали о серьезных проблемах. В груди застучало так быстро, что подумалось, будто я должен сейчас умереть от разрыва сердца. В моей голове не укладывалось, как я оказался в этом месте, ведь не так давно я сидел в больнице и заполнял документы, а сейчас... прикасаюсь к тому, что было для меня недостижимым. Я думал, что всё это останется только «легендой».

Выйдя из домика, я закрыл дверь и посмотрел в сторону леса. Дыхание истории вскружило мне голову. И где я теперь? В себе ли? Или уже схожу с ума? От порога шла дорожка к треугольному обелиску. Мне захотелось пойти даль-

ше, но чья-то ладонь легла на мое плечо.

– Эй, ты куда собрался?

– Каролина! Не пугай меня так! – дрожь пробежала по телу, волосы на руках встали дыбом, отчего касание ткани приносило боль.

– Извини. Ты посмотрел? – она кивнула на домик.

– Да. Кажется, он и правда запер её там, – голос звучал задумчивее.

– Я знаю, – выдохнула она. – Пойдем, я подогнала машину.

Мы сели и поехали по дороге, которой добирались сюда. Вернулись на развилку и двинулись на левую сторону. Лес казался очень зловещим, со всех сторон на нас смотрели ужасные чудовища прошлого, тянувшие к моей шее тонкие щупальца смерти. Я пытался не смотреть на деревья и, отвернувшись от них, спросил Каролину:

– Так всё-таки, почему ты пропадала?

– Ах, да, ты же не знаешь, – она словно расцвела. – У нас с Хьюго получилось осуществить то, чего мы так долго желали. Я беременна.

– Ох, поздравляю! – повеселел я.

– Спасибо! Я так рада, что всё это наконец свершилось, а то скоро войду в возраст, когда система даст сбой, – она хихикнула.

– А то я думаю, что за перемена с тобой произошла? Вот так да, вот так удивила!

– Сама была удивлена, когда обнаружила неполадочки. И Хьюго несколько дней был очень озадачен, – её глаза светились счастьем, и улыбка больше не была такой таинственной, она означала только одно – гармонию. – Это так замечательно, что всё, чего ты ждешь, сбывается.

– Я очень рад за тебя, Каролина, – моё сердце выплясывало ламбаду в ребре, так сильно оно билось о него. – Как думаешь, кто будет?

– Кто бы ни был, – бросила она, переключая скорость. – он – наш, и мы будем любить его.

– А какое имя бы дала? – я пытался отвлечься как угодно, лишь бы не смотреть на этот пугающий лес.

– Не знаю, я еще даже не задумывалась, – ответила девушка, поджимая губу. – Меня до сих пор удивляет то, что происходит со мной. Читать об этом – совсем не то, что чувствовать. Книжки что могут дать? Так, общую картину, сухие факты, странные комментарии, которые не заставляют тебя прочувствовать всё. Пока ты сам не окунешься во всё это – не поймешь, – она хмыкнула, сбрасывая скорость.

– Это верно, – поддакнул я, вспоминая мою практику в морге. «Пока не окунешься – не поймешь». Меня передернуло. Зачем сравнивать такое с беременностью?

Всё же я повернулся к окну, сталкиваясь со своими страхами. Но лес больше не казался мне злым и хищным. Лохматые ели весело плясали друг за другом, их тонкие ноги были прикрыты дикими заросшими кустами, которые хоте-

ли присоединиться к хороводу высоких красоток. Новость Каролины поселила во мне тепло. Я даже на секунду забыл, зачем мы едем в Хоторнское поместье и что мы тут делаем вообще. Но вскоре показалась верхушка поместья и железные ворота. Я, кажется, приподнялся, потому что девушка удивленно посмотрела на меня, хлопая глазами. Как только машина остановилась, я тут же вышел и подбежал к вывеске, подражающей золотым мемориалам.

«Поместье Хоторн

*Новаторский неврологический центр реабилитации
и мозговой стимуляции»*

– говорила табличка.

Каролина заглушила мотор и вышла из машины. Она звонко вдохнула, словно набирала в легкие воздуха для замера их объема. Девушка прошла куда-то в кусты и позвала меня.

– Можешь отодвинуть его? Не буду рисковать.

Из земли торчал рычаг, палка которого достигала уровня моего пояса. Я поднатужился и сдвинул его. Внезапно над вывеской замигал свет, за воротами проблескивали огни столбов и окон поместья. Долго подбирая ключи, девушка всё же отперла замок, и мы вошли внутрь. Дорожка из плит вела прямо – ко входу в поместье, налево – к домикам пациентов через прочный забор. Но Каролина сказала, что ключи от левых ворот были потеряны, когда после похорон Элис поместье закрывали. Направо шла еще одна дорожка, но она

заворачивала за небольшой садик, а куда уходила – не видно. Деревья, произрастающие на этой территории, ухаживали за собой сами, переплетаясь между соседями листьями. Дорожки, конечно, никто не убирал здесь, и опавшие много лет назад листья образовывали странную темно-коричневую субстанцию, прикрытую прошлогодними листьями. Но этот вид меня не отталкивал, наоборот, они так органично смотрелись с серыми дорожками и ступенями, что сначала я думал, будто это – гениальная задумка архитектора. Здание заброшено вот уже несколько лет, однако я всё ждал, когда распахнутся главные двери и из них выбежит стройная легкая Элис с распростертыми руками. И её улыбка счастья будет так светла, что мне захочется отвернуться как от палящего огня. Но никто не выходил, никто не выбегал и не встречал нас. Мы всё ближе подбирались к главному зданию.

Строение словно делилось на три части: центральная выдавалась вперед и ввысь на три этажа, а боковые отступали назад, пропуская подругу. «Передовица» пыталась говорить с нами своей округлой аркой, за которой и скрывались главные двери. Мы медленно поднялись по ступеням. Каролина на секунду задумалась и, быстро сбегав вниз, подошла к стене со щитом. Я хотел было предложить свою помощь, но она так ловко провернула всё сама, что я не успел опомниться. Зажегся свет на всей территории. Из окон повалило желтое свечение.

– Разве правительство не должно было обесточить эту

неиспользуемую территорию? – спросил я, когда Каролина подошла.

– Да, так и есть, – она хлопнула дважды в ладоши. Что-то детское было в её движениях, и это меня забавляло. – Но у нас есть некоторая договоренность. Они включают нам электричество и водоснабжение на то время, пока мы здесь. Ты же знаешь, мы каждый год приезжаем сюда в день её смерти, – голос поник.

– Да, знаю, – только и сказал я.

Мы зашли в главные двери. Под ногами лежал зеленый ковер, напомнивший ковровые дорожки на музыкальных и продюсерских фестивалях. Колонны мирно подпирали потолок, словно штампованные Атланты. На небольшом столике слева от дорожки лежала раскрытая книга посетителей, в которой указывалось имя посетителя, к кому он приходил, во сколько и до какого времени находился в поместье. Я быстро пробежал глазами по строчкам. Странно было, что все посетители приходили к Элис и покидали её в одно и то же время – 3:45.

– Время здесь остановилось в 3:45, и жизнь закончилась в 3:45, всё тогда и завершилось, – сказала Каролина, стоя у резной двери.

– Что ты имеешь в виду? – поднял я голову, отрываясь от листов.

– Элис умерла в 3:45.

Я не ответил, потому что не хотел ничего говорить. В мо-

ем сочувствии она не нуждалась, а жалость к Элис выразить я никак не мог. Да и можно ли вернуть что-то одним словом постороннего человека?

Она поднялась по лестнице, и я проследовал за ней. На втором этаже на потолке висели старые люстры с хрустальными украшениями, переливающимися серебряными цветами. Стены были выкрашены в зеленый цвет, который, по преданию, успокаивает. Всё было богато украшено, словно мы в действительности находились в старинном поместье, а не в больнице, перестроенной под поместье. На дверях палат не было никаких номеров, никаких табличек с именами или фамилиями, никаких опознавательных признаков.

Мы зашли в первую комнату. Нас встречала одинокая кровать, гладко заправленная белыми простынями, возможно, она всё еще хранит память о том дне. Напротив важничал белый умывальник, и, если сесть на кровать, можно было заглянуть в зеркало над ним. На другой стене архитектор выдолбил углубление для окна, чтобы, подойдя к нему, ты чувствовал себя в другой комнате. Рядом с окном стояла тумбочка, на которой лежали злополучные синие пилюли, сгнившие бананы, запыленное дело пациента Элис Бэтлам. Лицо девушки было безучастным, и мне подумалось, что я могу сунуть свой нос в дело. Осторожно взял его кончиками пальцев, поглядывая краем глаза на Каролину. Смел пыль ладонью и сразу пожалел о содеянном. Она неприятно прилипла к коже и комочками собралась на листе. Но я смог про-

читать на карточке, что препарат GS-3 действует безотказно, однако пациента преследуют некоторые галлюцинации. Почему же они продолжали тестировать лекарство на ней? По указу бесчувственного Джеймса?

– Здесь она и убила себя, – Каролина резко шевельнулась у двери, подошла к кровати и сдернула белую ткань. Моему взору открылась вторая белая простыня, на которой засохло огромное кровавое пятно.

Я не мог ничего сказать. Остро почувствовал, что девушка сделала это с собой от безысходности, потому что она не видела другого выхода. Потому что все были заняты своими делами: Джейсон пытался найти лекарство, Хьюго стремился забыть все, что было, Каролина делала вид, что не причастна ни к чему. Безликие молчаливые медсестры, приходившие дважды в день, пустые коридоры с неизменно зеленым ковром, маленькая комната, похожая на тюрьму. Одинокая Элис сходила с ума.

– Я бы тоже сошел, – проговорил я тихо.

Сначала не заметил, что у стены стоит мольберт, накрытый тканью. Женщина молча теребила в руках белое покрывало и смотрела в пол, все её мысли снова вернулись в прошлое. Вся детскость её исчезла, лицо снова стало измученным и болезненно побледнело. Схватив ткань, я дернул её на себя, и моему взору открылось разрисованное полотно. В нижнем углу стояла аккуратно выведенная рукой художника подпись: «Элис Бэтлам». Я всматривался в эти несколь-

ко букв и не понимал, почему всем, кто окружал её, было неважно состояние подруги, возлюбленной, жены. Они же когда-то были почти семьей, такие близкие, такие родные, всегда вместе. Они создавали видимость отношений или небольшой привязанности, они лгали или смеялись ей в лицо, но не понимали, к чему это приведет. Они не хотели замечать того, что происходило с ней. Каролина глухо завидовала ей, а потому не могла обратиться к ней с душой, распахнуть ей жилетку, дать ей свободу. Джейсон забыл думать о чувствах Элис, он хотел сделать достижение и, совершив его, погубил жену, которая почти всю жизнь сопровождала его. Неужели он был так скрытно эгоистичен, что она не могла этого видеть? Или видела, но не желала что-либо менять? Нет, она знала, видела, чувствовала его эгоистичность, но смысла менять это уже не было. Мысли о суициде возникли у неё сразу. Раньше всего. Потому ничто не волновало её: ни невнимание мужа, ни наигранная забота подруги, ни бездействие друга. Потому она ограждала их от себя, чтобы они не чувствовали свою вину за её смерть. Пусть они тешатся мыслью о её скором выздоровлении, которое пророчит GS-3, пусть они радуются, пока она продолжает рисовать. Пусть. Пусть. Пусть...

Горячие веки опустились на сухие глаза. Я бы заплакал, если бы мог. На полотне нарисована дорога, что ведет в Хоторн. Извилистая тропинка, с двух сторон которой, словно стены, растут непроходимые леса. Это воплощение души

Элис: она пыталась выбраться из заточения, мечась из стороны в стороны, чтобы глотнуть свежего воздуха, увидеть любимые глаза, почувствовать любимую кожу... Она не просила много, она не просила ничего. Но они, сами того не зная, расставили капканы, куда попалась она, ведомая их любовью. Ей лишь хотелось запомнить всё самое лучшее, что было в её жизни, унести это с собой навсегда, если таким бесчувственным людям не нужны воспоминания о ней. Она решилась, но давала им шанс на исправление. Никто не прошел проверку.

В сердце закреплялась тяжесть от осознания того, что все участники истории виноваты в таком её завершении. И как бы Каролина ни лила слезы и ни сетовала на себя, уже поздно что-либо менять. Элис мертва. Она мертва. Лежит в гробу. В холодной земле. И рядом с ней никого нет. Как не было с ней никого и в течение жизни. Все они, кто окружал её, лишь создавали иллюзию дружбы, любви, верности и поддержки. На самом деле, каждый хотел остаться хорошим человеком, которого не в чем упрекнуть. Хьюго был привязан к ним, но он не любил Элис, а ему считалось наоборот, и он пытался доказать это действиями, обманывая всех. Он испугался, что открою его секрет, и не хотел давать Каролине ключи. Он чувствовал всем нутром, что я стану частью этой истории, переверну её верх ногами и докопаюсь до истины. Каролина же не могла выносить Элис, но старалась играть роль лучшей подруги. Улыбалась, делала вид, что всё замечательно,

давала ей ложные надежды на нормальную жизнь. Но Элис не нуждалась в этих надеждах. Что пустые слова, когда жребий брошен? А Джейсон... был слишком слаб, чтобы противостоять влиянию Больницы.

Губы затряслись. В горле застрял ком, который не желал пропадать, несмотря на мои усилия. Еще раз оглянул картину, где тропинка пропадала в зеленоватых стенах деревьев. Руки медленно поднялись, продолжая держать ткань так, как они снимали её. Я бросил покрывало на полотно. Всё вернулось на круги своя. Но теперь я понял многое.

Стоял около минуты напротив закрытого мольберта. Казалось, что даже сквозь ткань я вижу этот рисунок, так сильно он врезался в моё сердце. Интересно, жалела ли Элис, что встретила Джейсона в школе? Жалела ли, что в конце каждого сообщения или письма ставила «xxx»? Жалела ли, что в ту лунную ночь она сказала ему «Да!»? Жалела ли, что тихие зимние вечера они проводили около камина и доверяли друг другу тайны? Могла ли она жалеть?

Что-то жаркое зашевелилось на моем лице. Пальцы машинально почесали щеку. Глазами, полными удивления, я смотрел на свою слезу. Что, если она так же наблюдала за ними, когда рисовала свою картину?

Каролина заправляла постель, но я не видел этого, лишь слышал шелестение ткани и мучительное дыхание девушки. Мне ничего более не хотелось. Только остаться в этой комнате и смотреть на полотно.

Она подошла ко мне, заглядывая через плечо. Я не заметил выражения её лица, потому что продолжал смотреть на пальцы, уже сухие и бледные. Она взяла меня за запястье и медленно потянула к выходу. Ноги, ватные, приросшие к одному месту, не слушались, шлепали по полу, зацеплялись за ковер. Каролина вывела меня из поместья, не дав мне больше ничего посмотреть. Хотя палаты Элис мне было вполне достаточно. Свежий воздух приводил меня в чувства. Боль в груди не уходила, ком не желал пропадать, а слезы исчезли так же скоро, как и начались. Бестолково глядя вокруг, я стоял и с ужасом понимал, что я больше не часть этой истории, что эта история – часть меня. Я не сопротивлялся, и она вошла в меня, слилась со мной воедино. Но как можно жить дальше? Как жить дальше с осознанием всего этого?

Каролина, не обращая внимания на мою задумчивость, потащила меня за собой, на правую сторону территории поместья. Тут у стены стояла лестница, на которую она и начала взбираться. Я подал руку, как истинный джентльмен, но внезапно рассудок вернулся ко мне.

– Осторожнее! – предупредил я её, помня об её состоянии.

– Идем, тут находится вторая часть больницы, – беспечно прошептала она и перебросила ногу.

Мы перебрались через забор, и я увидел остальную часть поместья, бывшую раньше больницей. Растительность давно перестала ухаживать за собой и безразлично целилась в

небо. Плиточные дорожки поросли короткой зеленой травой равномерно, словно здесь каждый день работал садовник. Было неловко находиться в этой части поместья, потому что свет от фонарей слабыми отголосками долетал до этого места, отчего оно скорее напоминало склеп. Лесной склеп. Мы подошли к незапертым дверям. Они тихо скрипнули и пустили нас. Зайдя вовнутрь, мы ступили на темный от грязи кафель и увидели вместо окна витраж с молящимся святым. Каролина опустила глаза в пол, пока я разглядывал его. Он напоминал мученика, говорящего о воздаянии людям за их поступки. Бежевые одежды мягко ниспадали, их держала одна рука. Вторая рука сложила пальцы в знаке крещения, за этим знаком пытливо наблюдал сам взгляд святого. Почему этот святой не поведал им о их страшном будущем? Почему он не предостерег их о последствиях, грядущих за грехи? Девушка потянула меня за рукав, я медленно перебирал ногами, следуя за ней.

– Это та часть, выкупить которую не дали, но, к сожалению, я не знаю, где расположена третья её часть, и есть ли она вообще, или Хьюго всё напутал, – туманно произнесла она.

– Мы можем поискать, – сказал я не думая.

Мы попали в длинный коридор, который напоминает любой больничный. Серо-белая плитка, в некоторых палатах стоят кровати, ровно пододвинутые к стенкам, белые стены с отлетевшей краской, перевернутые тумбочки, брошенные в беспорядке листы, но даже в этом хаосе я чувствовал нетлен-

ный дух Больницы. Вот он, мир королевства. Всегда тихий и правильный, даже после смерти всякой жизни в здании. Дух никуда не исчезает, он навсегда закреплен за этим местом. И он захватил Джейсона и превратил в чудовище, которое способно убить собственную жену.

Каролина с любопытством толкалась в старых палатах, но я не мог смотреть на них без ужаса, потому старался быстрее дойти до конца коридора. Я уперся в решетку, которая на удивление оказалась не закрытой. Скрипнув, она отодвинулась от моих рук. Медленно прошел по трем ступеням и увидел еще две двери, перед которыми располагалась поперечная решетка, над каждой из дверей горел красный свет. Я вернулся за девушкой, прижимающей руки к груди, она смотрела на сломанную игрушку слоника. В её глазах читалось беспокойство и страх за будущее. Аккуратно взяв Каролину за локоть, я вывел её из палаты и повернул ровно к себе лицом. Она, казалось, продолжала видеть перед собой ту игрушку без ушка. Я не знал, что мог сделать для неё, но третий раз в своей жизни обнял её. Она не вырывалась, ничего не говорила. Лишь тихо плакала, и я чувствовал на моем плече её слезы, образующие озеро. Мои пальцы легли на её волосы, мерно поглаживая их, я ощутил приятный тонкий запах цветов, исходящих от них.

– Не волнуйся, всё будет хорошо, – проговаривал я как мантру. Только эти слова крутились в моей голове, только их я мог сейчас произносить. Только их.

Она быстро вытерла слезы тыльной стороной ладони и пошла, не глядя на меня, в конец коридора. Я выдохнул. Столько всего произошло за этот день, чувства начинают изматывать.

Когда я вернулся, услышал, что Каролина окликает меня уже не первый раз. Девушка толкнула дверь справа. Она легко открылась, не издав ни звука. Мы обменялись взволнованными взглядами. Кажется, тут кто-то был.

Она осторожно переступила через порог, я старался следить за каждым её движением, чтобы всё было в порядке. Мы попали в комнату с тремя дверями и стоматологическим креслом красного цвета. На его изголовье были нарисованы какие-то цифры, не говорящие нам абсолютно ничего. Двери были распахнуты, за ними находились какие-то таблички, предназначение которых мне было не ясно. Девушка что-то пнула, раздался противный скрежет металла по плитке, от которого я чуть не подпрыгнул как беспомощная овца.

– Что это? – она выставила длинный палец вперед, указывая на ведущие вниз ступени.

– Подожди, давай я проверю, – шепнул я, отодвигая её и сжимая кулак, чтобы хоть немного держать себя в руках.

Ступив на дерево, я услышал скрип. Этому заведению слишком много лет. На сегодняшний день 215 лет, если я правильно подсчитал. Медленно переставляя негнущиеся ноги, я пытался выровнять дыхание и привести мозг в действие. Опустившись на ровную поверхность, обернулся к Ка-

ролине и поднял большой палец вверх.

– Что там? – её широко открытые глаза почти не мигали.

– Дверь с разноцветными кристаллами, – недоуменно ответил я.

– Открыта? – голос стих, вливая в меня ушат сомнения.

Я помялся. Мне не хотелось ничего трогать, но любопытство, словно тигр, скребло своими коготками и желало распахнуть её, пусть она будет и закрыта. Я коснулся старого дерева, оно легко поддалось, и дверь открылась.

– Д...да, – сказал я, сжимая челюсти.

– Я спускаюсь.

Она шагнула вниз, я подошел к лестнице со стороны и подал ей руку, чтобы Каролина смогла легко спуститься. Её взгляд был точно направлен на щелку, которая образовалась от моего толчка. Робкими движениями она подошла к двери и трясущимися пальцами раздвинула створки. Перед нами стоял стол, на поверхности которого лежал цветной, но пыльный план. Справа сверху была надпись:

«Больница Хоторн

Подземное складское помещение»

– Это та самая третья часть больницы? – осторожно спросил я.

– Похоже на то, – сказала она, глядя под ноги на брошенную металлическую перегородку.

Она зацепила пальцами одну створку двери и потянула на себя. Та с трудом, но поддалась. Я, прекратив рассматривать

план, опередил её, закрыв руками проход, и вошел в открытую дверь. Каролина не сопротивлялась. Не хотелось волновать её, заставляя трястись от каждого звука. Не мог видеть её робкие движения и слабо переступающие ноги. Всё-таки она носила в себе еще одного человека, и я, как врач и как человек, не мог позволить ей принимать весь удар на себя. Я поморщился от этой мысли. Никто ведь не знал, что тут ожидает нас.

По правую руку находилось медсестринское место, где стоял компьютер, отцветший радиоприемник и лежала бумага со странными словами. В этой части больницы царил тишина. Моё сердце то замирало, то билось сильнее, словно я катался на американских горках. И сейчас я стремительно летел вниз.

Каролина встала около двери с надписью: «Одиночная камера», куда обычно помещали психов или взбунтовавшихся пациентов. Она кивнула мне на коридор, и я незамедлительно прошелся по нему. Дойдя до конца широкими шагами, я встретился с дверью, которая тоже была открыта, но вела она в темноту, а мне не хотелось искать себе приключений. Оттуда подошел к первой двери и толкнул её. Она была не заперта, внутри лежал старый матрац, одинокий стул и тумбочка. В комнате напротив лежал различный хлам, больше всего там было банок из-под краски, что можно увидеть под ультрафиолетом. Но что-то мне подсказывало, что краски там давно не было. В следующей палате тоже находилась

кровать, на досках которой было написано «Нет ничего, кроме матраца», однако самого матраца нигде не было, тут лишь покоилась раковина с черной дырой вместо вентиля горячей воды. Я достиг следующей двери, которая уже была распахнута.

Посреди комнаты лежало нечто. Я почувствовал смрад разложившегося тела и приторно сладкий запах гниения. Не понимаю, как я сразу не заметил этого, когда проходил мимо. Желудок желал вывернуться наизнанку. Меня словно неведомой силой отбросило к стене. Я вжался в неё, закрывая нос ладонью. Каролина недоумевала, но подойти ей было страшно. Бледные руки прижимались к груди, губы сжимались до боли, ресницы нервно вздрагивали. Я умоляюще взглянул на неё, но жестом сказал ей стоять там, где она находится. Она и не думала двигаться в мою сторону. Я снял куртку, быстро свернул её и приложил к лицу. Вдохнул запах своих терпких духов, которые я ненавидел. Но это было лучше, чем чувствовать смрад разложения. Решился поднять голову. Я видел покрывшиеся пылью одежды и то, что оставалось от человека. Там лежал Джейсон, я знал это.

Распрямившись, почувствовал, как рвота вождедела быть свободной. Но, сжав зубы и сдержав позывы, я подошел ближе к проходу. В комнате располагались две тумбочки, приставленные к стенам, на противоположной к выходу стене расплывалось зеркало, охватывающее всю палату. Внутри стоял невозможный запах, который я не мог не пропускать в

свои легкие даже сквозь куртку. Во рту становилось влажно. Под ложечкой давило.

У правой стены был поставлен чемоданчик, верхушка которого раздвинута в разные стороны, содержимое отсутствовало. На стене было написано «Загляни внутрь» красными буквами. Продолжая вдыхать отвратный запах из смеси моих духов и сгнившей плоти, я обнаружил еще одну открытую дверь, которая вела в туалет. Выбросив куртку, я влетел внутрь. Не задумываясь, я выплеснул содержимое моего желудка наружу. Внезапно голова разразилась болью, я ясно чувствовал, как кровь пульсирует в затылочных сосудах. Стараясь удержаться на ногах, я уперся в холодную, расписанную ругательными словечками кафельную стену, и меня снова опустошило. Слюни скоро собирались во рту, отвратными со вкусом желчи и переваренного завтрака. Повернув вентиль холодной воды, заметил неподходящий сюда горячий, прополоскал рот, вобрав жидкость в щеки, и сделал несколько глотков, удивившись странному запаху чистоты. Но отпрянул он крана, вспомнив, что вода заражена тем самым GS-3. Внутри всё перевернулось. Пальцы медленно закрутили вентиль, по телу прошла дрожь, и пот выступил на лбу. Стоял посреди ванной комнаты, не в силах что-либо делать. Мысль об обреченности поставила на моей будущей жизни крест. Вода уже согрелась в желудке, она всасывалась через стенки, и было поздно исправлять ошибку. Холодная керамика не передавала мне спокойствия, наоборот,

пальцы пульсировали, словно их пытались пропустить через мясорубку. Взгляд перестал фокусироваться, раковина поплыла в дальнее плавание, зеркало над ней сворачивалось в трубочку, разворачивалось и крутилось вокруг себя. Оттолкнувшись от стены, выбрался в смрадную комнату.

– Майкл? – тихо позвала меня Каролина.

– Всё в порядке, – хрипло отозвался я, не ворочая языком. – Не переживай. Всё нормально.

Мой голос явно меня выдавал. Я переставал контролировать себя. Запах, вода, ужасная история – всё сводило с ума. Ноги подкосились, и я уперся о косяк, пытаюсь собраться с мыслями. Пока крутил головой по сторонам, заметил странную полочку в чемоданчике, к которой пригнулся. Ноги не захотели держать пластилиновое тело, и я едва не ударился лбом о деревянную крышку. На полочке лежали синие таблетки на белом кружочке, над которым красовалась эмблема Хоторнской больницы, почти не отличающаяся от эмблем разных других больниц. С другой стороны был нарисован другой круг, на котором ничего не было, и над ним белел знак злостных разбойников моря – пиратов. На середине полочки располагался встроенный проигрыватель, внутри него была вставлена кассета с подписью «Воспроизведи меня». Глупая игра. Мы, что, попали в какую-то страну Чудес?

А Джейсон стал белым кроликом, бегущим от Элис. Опоздал. Он опоздал!

Негнушимися и трясущимися пальцами я щелкал по кла-

вишам, чтобы открыть кассетницу, но несколько раз я не попадал и начинал злиться. Почувствовал, как по подбородку потекла теплая вязкая слюна. Замер, понял, что язык болтался как бесполезная тряпка, с которой потоком лилась вода, в моем случае – слюна. Обнявшись с чемоданчиком, я смел все таблетки с адским GS-3 и тщетно пытался достать кассету. В голову пришла идея оторвать полку и уйти. Устроившись удобнее, я обхватил её деревянными руками и рванул на себя. Мне казалось, она неподатлива, но все было как раз наоборот, и я упал на спину, едва не прикусив бесхозный язык.

Вспомнив про девушку, попытался собрать силы, чтобы подняться и выйти отсюда. Мне чудилось, что прошло около получаса с тех пор, как я зашел в палату к Джеймсу. На чашечку чая. Потрясая головой, я привстал и на коленях со склоненным туловищем пополз к проходу. Всё ближе и ближе был ко мне свежий воздух.

Каролина, увидев меня и моё состояние, вскрикнула, подбежала. Я, пытаясь отмахнуться от неё, упал на бок, прижимая как можно сильнее полочку, отталкивался ногами, чтобы убраться подальше от палаты.

– Что с тобой, Майкл? – еле дыша говорила она и крутилась вокруг.

Некоторое мгновение я пытался собрать оставшиеся части соображающего сознания в кучу, чтобы произнести всего пару слов. Но орган речи не поддавался моим сигналам,

беспомощно ворочался во рту, выползая, как змея. Я сообщал в тот момент так ясно, как никогда в жизни. Я знал, что делаю, для чего делаю, где я, кто такая Каролина, кто такой Хьюго, кто такой Джейсон, кто такая... А кто она?

– Всё нормально, – пролепетал я через силу. – Позвони Хьюго.

Она мгновенно набрала номер, но разочарованно щелкнула языком и спешно подняла ладони в знак того, чтобы я никуда не уходил. Она скоро вышла из подземной больницы. Да, мобильная связь часто нас подводит. Я попытался прислониться к стене, чтобы не лежать на проходе, но попытки были тщетными, как и все предыдущие. Тело перестало слушаться. Неужели это и есть эффект GS-3? Приподняв голову, опустил, поскольку та казалась невероятно тяжелой. Дыхание все никак не могло нормализоваться, словно я бежал один марафон за другим. Смотрел на потолок полузакрытыми глазами, передо мной плясали странные плывущие люстры. Я умру? Или потеряю память? Перестану думать? Что же случится со мной? Меня оставят тут умирать? Наедине с белым кроликом Джейсоном? И я сгнию, как он? Где же Каролина? Где Хьюго? Почему никто не приходит за мной? Неужели они не знают, что мне плохо? Неужели они не знают, что он здесь умер? Неужели им и это неважно? Жестокие, бессердечные, эгоистичные люди. Почему я должен страдать? Я же не причастен к этой истории? Или... А где же...? Алиса, так, кажется, её звали... Или я что-то путаю?

Нет, я не путаю, это мысли путают меня. Смешной каламбур. Где же они? Кажется, они все умерли. Так, может, и я не живу? Может, и я умер? А что тогда сейчас происходит? Разве я не думаю? Думаю. Но умираю.

Через, возможно, короткое время, которое показалось мне столетием, в дверях показался Хьюго,двигающийся рвано и резко. Он ударил меня по щекам несколько раз, отодрал от моих рук полочку, что-то кричал, но слов я не разбирал. Я еле поднял руку и сказал мысленно, но, как мне казалось, вслух:

«Он опоздал. Белый кролик опоздал. Королевство Больница победила».

Глава 10

Я пришел в себя.

Солнце подло светило, но не грело комнату.

Я повернулся на бок. Всё тело болело.

Я в домике Каролины.

– Эй, Нил, ляг! – грубо окликнул меня Хьюго.

– Что случилось? – голова слегка кружилась, и мне пришлось лечь обратно.

– Ты потерял сознание, пока вы были в подземной части больницы. Извини, что втянули тебя в это, – он положил на лоб холодную ткань.

– Ничего, я сам виноват, нечего было идти на рожон, – прижал полотенце пальцами. – Что с Джейсоном?

– Похоронил его вчера. Рядом с Элис, – сказал он грустно, выдыхая.

Хьюго продолжал что-то делать около столика, были слышны легкие стуки и бряцанья. Его руки двигались быстро и с таким профессионализмом, что я сразу почувствовал родственную мне душу. Его слова о воссоединении влюбленных обрадовали меня, и даже плывущий потолок медленно стабилизировался. Теперь-то можно объявить эту историю завершённой?..

– Мне кажется, GS-3 попало в меня, – донесся до меня мой слабый голос.

– Нет, тебе не кажется, – резко ответил Хьюго. – Вода всё ещё заражена, вряд ли есть такая возможность, чтобы предотвратить это. Единственное, что могло правительство, – это сделать водно-речную систему на «острове» замкнутой. Потому и вода до сих пор поступает в краны помещения.

– И что теперь делать? – я продолжал наблюдать за его спиной.

– Ты лежал тут два дня, я прогнал по венам глюкозу. Не знаю, хорошо ли это поможет, – его плечо раздосадовано поднялось. – Извини за это всё.

Я продолжал смотреть в деревянный потолок. Голова была чиста, как первый снег. Попробовал сжать руки, пальцы рвано согнулись, кости глухо хрустели. Тело слушалось. Я был этому искренне рад.

– Надеюсь, я не умру.

– Успокойся. Будет не очень приятно, когда он начнет вымываться из крови. Примерно так же, как там внизу, когда он только проникал в кровь.

– И с Элис было так же? – внезапно меня это стало волновать.

– Нет, потому что у неё была болезнь, на которую и влиял GS-3, – он обернулся ко мне, держа в руке капельницу.

Хьюго закрепил её на стене, вытянул мне руку, протер ледяным спиртом место сгиба локтя и медленно вставил иглу в вену. Я почти не чувствовал проникновения, но видел, как

он делает это. Быстро повернул колесико на трубке капельницы, по ней, как по трубопроводу, потекла прозрачная глюкоза. Достигнув иглы, она собралась в одной точке, чтобы войти в меня. И я почувствовал, как нечто инородное втекало внутрь. Интересно, откуда у них медицинские материалы в этом Богом заброшенном месте? Каролина всегда носит с собой что-то на всякий случай?

– Вот и отлично, – улыбнулся Хьюго, выбрасывая мусор со стола в корзину.

– Как Каролина? – хрипло отозвался я.

– Она в порядке. Правда была сильно потрясена случившимся там, но теперь всё в норме, – он снял перчатки, глядя на меня, бросил их в ведро.

Он обошел кровать, поправляя рукава рубахи, остановился, подошел и, хлопнув по плечу, сказал:

– Спасибо тебе, Майкл. Иначе эта история не была бы оконченной.

Эпилог

Говорят, что хорошо, когда всё заканчивается благополучно.

Я некоторое время лежал в городской больнице, потому что не мог идти на работу из-за страха непредвиденного поведения. Когда всё же GS-3 исчезло из моей крови, что доставило мне уйму хлопот, я боялся, что не смогу продолжать работать в нейрохирургии, потому что даже стены отделения напоминали об истории с Элис. Прочувствовав боязнь света, шума, и всего, что только угодно, пережив галлюцинации, я остался жив и до сих пор удивляюсь своей удачливости, потому что думал, что сломаюсь. Видели ли вы, как страдает заядлый наркоман, когда больше нет доз? Это не просто крики, это внутреннее разрушение, боль, ярость, остервенение, после которых приходит опустошение и безразличие.

Каролина родила девочку, когда я только отошел от лекарства-наркотика. Они уехали с Хьюго отдыхать к морю. Думаю, они того заслужили.

А я вернулся к своим служебным обязанностям, дежурил по графику, принимал новых больных, выписывал выздоровевших. Жизнь пошла своим чередом. Но теперь я каждый год навещал двух влюбленных, лежащих в земле «острова», соединенных наконец вместе. Двое влюбленных. Джейсон и Элис.

Запись кассеты

«Знаешь ли ты, какой твой грех, Джейсон? Это гордыня. Думаю, ты даже забыл, как звучит твой собственный голос.

На самом деле всё не такое, каким кажется.

Паранойя. Расстройство зрительных органов. Пищеварения. Галлюцинации. Потеря памяти. И это только некоторые симптомы. Всё это – GS-3. Мы сделали его, чтобы помочь людям. Чтобы помочь Элис. Он должен был помочь улучшить мыслительные функции. Это работало какое-то время. Но потом перестало. Это ухудшало её состояние. Это разрушало её. Она не знала, что принимает, потому что ты, словно фокусник, обманывал её.

Тебе нужно было дать ей шанс. Потому что она того не хотела. И препарат попал в воду. Это сделала Элис. Откуда же она могла знать? А мы были так сфокусированы, так заняты. Мы не замечали то, что было прямо перед нами, перед нашим носом.

«Остров» закрыли на карантин, но было слишком поздно. Мы уже сделали это! Но мы же хотели как лучше.

Ты был тут раньше, но я не знаю, как часто.

Ты ведь всё еще проверяешь это лекарство. Но на себе. Чтобы забыть то время. Забыть, что ты сделал, что сделала Элис, что ты заставил сделать её. Что мы заставили

сделать её. Мы подстроили это, эту ловушку. Мы проверяли его снова и снова. А теперь мы стали крысами. Точнее, крысой и ученым. Ты хотел забыть все, забыть Элис.

И сейчас у тебя есть выбор, что был у тебя бесконечное множество раз. Выбирай с умом: одна таблетка доставит тебе свободу, а вторая заставит принять всё.